

An aerial photograph of a city at dusk or dawn, with buildings and streets visible. A large, dark, irregular shape, resembling a shadow or a cutout, is overlaid on the image, framing the central part of the scene. The sky is hazy and the buildings have some lights on, suggesting evening.

Мария Свешникова

КВАРТИРА № 41

18+

Мария Свешникова
Квартира № 41
Серия «Городская проза»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64880216
Мария Свешникова Квартира № 41:
ISBN 978-5-17-134238-8

Аннотация

Судьбы нескольких человек пересекаются в квартире в старинном доме на Сретенском бульваре. Скрывающаяся под саркофагом обид циничная Надя, поклонник странных учений Игорь, любящий женщин постарше юнец-Коля, загадочная писательница Вера с двумя мужьями и еще несколько удивительных персонажей, которые дополняют мозаику своим появлением...

Связанные не только одной квартирой, но и судьбами, они развернут жизни друг друга в неизведанные стороны, где каждый обнаружит о себе что-то очень важное.

Эта философская история о любви и бессмысленности странным образом переворачивает представления о жизни всех, кто ее читает. Как будто спадает шелуха, все становится простым и понятным... и душевная боль утихает.

Содержание

Надя	7
Жизнь с застиранного листа	7
Ломая стержни	12
«Сектантское» прошлое	20
Женщина из порнофильма Эндрю Блейка	29
Непреодолимая жестокость	34
Помещения с душой и люди, живущие без сердца	49
Бегемот	56
Вера	64
Исповедь клоуна	64
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Мария Свешникова

Квартира № 41

Серия «Городская проза»

Дизайн обложки Александра Калачева

Фотографии Etienne Boulanger и Alexander Popov
(Unsplash.com)

© Мария Свешникова, текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Руслану З.

Без тебя я не написала бы эту книгу.

Спасибо, что помогал мне творить и открываться, что подстраховывал в сложные периоды, и я поверила в себя и в свои силы. Что напомнил, насколько удивительным может быть мир, если перестать от него что-то требовать. Да, ты негодяй и обманщик, но это не меняет того, что я тебя люблю, друг! Снова обнимаю, М.

Произведение является художественным. Любые совпадения с реальными людьми случайны. Или почти случайны.

И не пытайтесь понять эту книгу, просто прочтите. Помните, что понимание – это утешительный приз для дураков.

Возможно, ведьма – это вовсе не потасканная беззубая карга с выцветшими глазами, артритными пальцами и костлявыми запястьями, а хрупкая бледнолицая нимфа с хрустальным взглядом или рыжеволосая аристократка с острым, как хирургический скальпель, языком. Чтобы обладать колдовскими навыками и менять жизнь всего лишь силой мысли, вовсе не обязательно парковать помело на Введенском

кладбище или разливать заболоченное снадобье по пузырькам из мутного стекла. Можно просто родиться женщиной. И этого вполне достаточно.

За последние десять лет в квартире № 41 по адресу Среденский бульвар, дом 6, сменились три хозяйки; каждая из них переступила порог этого дома благодаря странной истории, расколовшей жизнь, как грецкий орех плоскогубцами. Казалось бы, этих трех женщин объединяли лишь стены, в которых они проживали, передавая друг другу ключи по наследству. Однако их связывала не только квартира, а нечто куда большее, чем сто метров пространства с гнутой венской мебелью, дореволюционным сервантом производства «Якова и Иосифа Кон», подсвечниками неизвестного происхождения – не то из меди, не то из латуни, и чуланом, похожим на склеп.

У них были раздробленная на троих судьба и участь познать все грани такого обычного и непритязательного чувства, как любовь к мужчине. Созидающая, разрушающая и неизбежная. Как любая несговорчивая стихия.

Надя

Жизнь с застиранного листа

Надя всегда симпатизировала отрицательным персонажам: Воланду и коту Баюну, например. Они без маски благодетели меняли мир, и, что парадоксально, в лучшую сторону. Любила все темное, с тайнами и вторым дном; собирала подводные камни и людские пороки. Ее всегда манили ритуалы гавайских племен, легенды о Шангри-Ла и обряды тувинских шаманов, но жила она самой обычной жизнью, о которой в некрологе и пару строк не выдавишь.

Честно говоря, Надя не особо планировала обзаводиться квартирой. Тем более в самом центре – в бывшем доходном доме страхового общества «Россия». Нет, участь поблизости в институте электронного машиностроения, она часто гуляла по переулкам Чистых прудов, засматривалась на красное здание с эркерами и шпилем, любовалась тихим двориком за чугунным резным забором, но даже в самых смелых и воинственных мечтах не думала, что когда-нибудь будет жить на углу Сретенского бульвара и Боброва переулка. Тем более, будучи замужем аредовы веки и проживая давно за пределами окружной, она уже расписала свой досуг до старческой деменции и наполнила его чтением Эмиля Золя в яблонево

саду и распитием джина с огурцом с соседками вперемешку с разведением мединилл.

К своим тридцати трем Надя наполнила себя разочарованием с лихвой. Первое его ощущение пришло спонтанно. После развода отец всегда поздравлял ее с днем рождения, а тут раз и забыл. Даже на следующий день не опомнился. А позже бросил и вторую свою семью, когда жена чахла от лейкемии, а дочь Нина свирепствовала под аккомпанемент гормонов. Тогда Надя забрала Нину к себе. Усилием воли она исторгла его из своей жизни, еще и ластиком оттерла воспоминания до чистого листа.

Потом подвел и муж. Проснулась, а на кухне шебуршит чужой человек. И пахнет как-то незнакомо, и до Надиной жизни, как выяснилось, ему нет никакого дела...

Следом со своей скрипкой вступил Набоков. Прочтя «Камеру Обскура», Надя все негодовала, как так... ее кумир, ее микробог, который в итоге обратился в ее представлениях в микроба размером с микрон, гений, которого она обожествовала, вдруг стал глубоко израненным творцом, полным мазохизма и отчаяния. Ей виделось, как позади этого эмоционального колодца стояла эротическая драма, вовремя не разрешенная снятыми панталонами. И не было в нем никакой маскулинности, да и драмы толком не было. Это Надя себе придумала очередного идола. Такое развлечение. Возводить личность в культ, а после ее обличать.

Вообще, наделять мужчин излишней маскулинностью бы-

ло Надиным призванием. Если бы на иллюзорной мечтательности можно было зарабатывать деньги, она бы возглавила списки богатейших женщин.

К слову, что Надя умела, так это встречать непрошеную любовь расстегнутыми пуговицами. И искренне жалела, что нельзя покрыть девичьи сердца тефлоновым антипригарным покрытием и рассматривать потом воспоминания, как помутневшие постеры рок-идолов, а не кровоточить слезами обиды и неразделенности. Говорят, время лечит, будто у него в арсенале аптечка, наштигованная мимолетными антидепрессантами. Надя противилась доказательной медицине и прибегала к лечению народными методами. Случайных любовников она называла «подорожниками». Отчасти потому что умело строила глазки в пробках на въезде в город.

Даже будучи замужем, Надя умела вдоволь насытиться скоротечными приключениями, приклеивая к себе ухаже-ров подобно листу подорожника, что оттягивает неприятные ощущения из исклотой щербнем пятки. А именно из раны, оставленной отчуждением в браке, из которого она не осмеливалась ретироваться.

«Подорожников» в Надином гербарии собралось немало: то она приглянулась жеманному декану исторического факультета, что грезил фантазиями, будто Будда и Христос одно и то же лицо, то на нее клюнул врач олимпийской сборной, который потчевал ее байками про мельдоний, то с Надей случился худощавый радиоведущий с литым тор-

сом и большими долгами, что покупал тюльпаны в кредит, но рисовал воздушные замки с мастерством Боттичелли. Все ее мимолетные ухажеры были тщеславны, милы, дарили ощущение благодати и спокойствия, а потом исчезали, оставив сладковатый привкус ночной похоти, нежной заботы по утрам и нескольких недель тихого иллюзорного «ты мне нужна». На самом деле Надя им была не нужна. Впрочем, как и они ей.

Паровоз времени уже отдалил ее от отметки «тридцать», а веснушки она так и не растеряла – все лицо усеяно ровными аккуратными конопушками, и глаза, миндалевидные, как у кошки, остались хищно-зелеными и не утратили блеск. Природа вообще наделила Надю чем-то кошачьим, и даже в строгом платье-футляре в галчатую полоску она смотрелась не как женщина, а как благородная пантера, просто по нелепой ошибке воплощенная в женском теле. Точное лицо с тонкими губами, накрашенными винной помадой, с аккуратно, будто коричневым грифелем, очерченными бровями всегда выражало невозмутимость и чуть заметную печаль, которую выражают старческие глаза кокер-спаниелей даже в щенячьем возрасте. Как будто она уже жила, познала и попробовала все на вкус, и родилась она так – чтобы отдать последние долги и кануть в благоговейную вечность.

Но однажды с ней случилось доселе неявленное – чувство, что пронзило до костного мозга и разлилось по венам. Очнулась она, когда уже слишком глубоко нырнула – влюбилась в

последнего из мимолетных. Наивно думая, что он очередной «подорожник».

Список мужчин, который Надя иногда составляла в подпитии, а потом искусно рвала на малюсенькие сморщенные кусочки и сжигала в фарфоровом блюде на краю унитаза, всегда имел два столбца. Первый именовался «было, но прошло», второй – «было, но никогда не пройдет». Так вот, последний мимолетный, наверное, никогда не пройдет. Да, его образ никогда не сморщится и не станет линялым, подобно полароидным снимкам через десять лет после выпускного. Видимо, есть мужчины, которые неизлечимы...

Последний «подорожник» ей подарила осень. Осень, когда она еще была замужем, по утрам заваривала пуэр в чугунном чайнике, не выходила под дождь без зонта и не покидала зоны своего комфорта.

Просто есть люди, влюбленные в осень. Надя была из их числа.

Ломая стержни

Глухой октябрь распустил свои объятия в надежде хоть на какую-то взаимность со стороны горожан. Но те, насупившись, лишь ускорили шаг, уворачиваясь от хлесткого ветра, что бил наотмашь. Косматый пудель, справив нужду на клумбе с давно отцветшими анютиными глазками, стремглав пустился в сторону подъезда и нетерпеливо царапал дверь, пока его хозяйка, похожая на тучную бюргершу, доставала из глубокого кармана шерстяного пальто ключи. Ее седина, оттененная в лиловый, колыхалась на ветру, как кофейная пена в турке.

Надя несколько раз улыбнулась ей через окно автомобиля, а потом стыдливо отвела глаза. С заднего сиденья раздавалось тихое посапывание. Нет, не будет она опускаться до слезливого сочувствия. И так в окружении ходят вечные слухи о ее истерично-флегматичном характере, мол, Наде только дай повод – она сразу бросится страдать. А тут и повод искать не надо было – сбитая и визжащая на обочине бродячая собака сделала свое дело.

Так уж случилось, что Надя не умела отказывать в помощи. С тех пор как переселила к себе Нину, она стала безотказной. Вечно впрягалась в авантюры: устраивала благотворительные акции для пострадавших от наводнения, мыла полы в хосписе, взяла под патронаж трех старушек в Рязанской

области. Во многом эта ее черта была боязнью показаться плохой и черствой. С самого раннего детства Наде прививали... не чувство вкуса и такта, а презренное, тянущее и ноющее чувство вины.

Дочь медсестры и военного, хоть и рожденная в Москве, она помоталась по гарнизонам всласть и в ненависть, училась в бесчисленном количестве школ, разбросанных в диапазоне от Норильска до Воронежа, но где бы ни находилась, запуская руку в хрустальную вазу с конфетами, испытывала чувство вины и злого умысла. Ваза, как артефакт и практически культовый предмет, перевозилась из квартиры в квартиру, бережно укутанная старыми газетами, и славилась тем, что когда-то была подарена примой оперного театра, королевой красоты и алмазной дивой, только имени ее никто не помнил. За давностью лет. Прима давно уже почила в бозе, ее имя сохранилось разве что на старых черно-белых программках в архивах, а ваза все так же была наполнена конфетами в красочных обертках.

Все началось давно, когда они еще жили в Воронеже. Мать трудилась в сыром и промозглом госпитале на полставки, считала копейки, выискивала, где гречка на полрубля дешевле, молоко брала на окраине города от коровы Нюры и кипятила в огромной эмалированной кастрюле, а потом разливала по банкам. Вещи штопала, но не выбрасывала, перешивала свои парадные платья в юбки с блузами и надевала их как обновки, когда вся семья переезжала в новый город и

начинала новую жизнь с чистого застиранного листа в квартале военнослужащих. Надя была сладкоежкой от бога, это было сильнее ее. Как бы она ни взращивала в себе силу воли, с каким бы упорством и рвением ни бралась латать дыры своего характера, стоило появиться засахаренному кумквату, сливочным тянучкам, обильно усыпанным кокосовой стружкой, или конфетам «Мишки», срывалась. Более того, чаще всего она даже не помнила, как ворочала ручонкой в вазе, нащупывая конфеты, и жадно вгрызалась в шоколад. А потом перепачканный рот, мамины вскрики «мы же договаривались на три конфеты в день, сама, что ли, не видишь, в какой бедноте живем» и как итог – кариес. В моменты отчаяния мать даже просила лечить зубы без особой осторожности и анестезии, которую тогда уже начали делать... за скромные рублики, торопливо положенные в карман медицинского халата.

Каждый раз, оставаясь наедине с пустой вазой и горкой красочных оберток, Надя ощущала острое чувство вины. Чувство вины за сладостные (и сладкие) минуты. Более того, счастье и радость, все яркое и волшебное, что Надя испытывала, было крепким неразрывным узлом сопряжено и связано с ощущением вины. Колким, гулким и вьедливым.

Так Надя увязла в прозе жизни, иногда скатываясь в лирику.

Сбитая машиной и лежащая на обочине собака – Надино альтер эго. Она остановилась, потому что увидела в этой со-

баке себя. Вечно ждущую, что спасение придет извне. Что и ее спасут из серой жизни и съеденного молью, как полушубок с проплешинами, брака.

В случае с собакой спасение действительно пришло, Надя же ее заметила.

Правда, в пятой по счету ветеринарке отказывались принимать собаку без паспорта: не действовали ни деньги, ни угрозы, ни даже женская истерика. В результате уже к закату Наде посоветовали отправиться в какой-то секретный подвал на улице Борисовские пруды. Однако по факту на месте ветеринарки располагалось отделение политической партии. Увиденное – а именно молодые политические активисты с ярко выраженным адаптивным расстройством и стопки агитационных листов с ворчливыми лозунгами – удручало. Второй посетитель, мужчина, тоже был обескуражен. Он ожидал встретить в этом месте компьютерного гения Павла. С собакой на руках Надя командным тоном требовала, чтобы ей сказали, куда переехала клиника.

– Вот, посмотрите, – размахивал перед секретарем телефоном мужчина, – тут он черным по белому пишет адрес!

– Мужчина, обождите! У меня тут дела посерьезнее. Хирург где? У меня собака с перебитой лапой, не видите? – встряла Надя в разговор.

– Слушайте, да вы что, оба издеваетесь? – Секретарь поняла, что так просто от посетителей не отделается.

– Издеваемся. И не уйдем отсюда, пока вы не дадите нам

контакты! – цокнула Надя каблуком.

– Ошибка карт, все, что вы ищете на Борисовской улице. У нас тут Борисовские пруды. Чуете разницу? – Она вдруг принялась и заметила, как собака пускает аккуратную струйку прямо на ее туфли.

– Да вас надо с собой на переговоры брать! Вы ж любого продадите! – подметил мужчина, глядя на Надю, и, чуть замешкавшись, добавил: – Игорь! – протянул он руку.

Игорь был невысоким, крепеньким, как лесной боровичок, и немного неуклюжим. Коротко стриженный, чтобы скрыть редеющие виски и лысеющий затылок, он мог бы сойти за бритоголового бандита, если бы не очки в прозрачной оправе и не интеллигентные узкие, аккуратные черты лица: заостренный подбородок с ложбинкой и ровно очерченные скулы. Ему бы программы на телеканале «Культура» вести, поговаривали иногда в его родном городе Соль-Илецке.

В старших классах Игорь подрабатывал диджеем на дискотеках, носил бакенбарды, никогда не отказывал себе в дорогих сигаретах, которые ему привозил двоюродный брат из Америки, и любил блондинок.

Женщины вроде Нади были для него в диковинку. Таких он опасался и старался с ними не связываться, считая высокомерие крайне разрушительным человеческим недугом.

– Я бы пожала вам руку, но у меня, как видите, бродячая собака, которую я пытаюсь реанимировать уже полдня. И которая только что на всех нас написала. Я Надя, – пошла

она на уступки.

– Надежда. Веры и любви не хватает для комплекта. – Игорь коснулся локтя Нади, вроде как поддерживая не то ее, не то собаку во время подъема по лестнице. Когда они наконец выбрались из подвального помещения в серую унылую осень, Надя обернулась и ответила:

– Ну, знаете... Зато надежда умирает последней. После веры и уж точно после любви.

– Черт с ними. Давайте кофе выпьем! – предложил Игорь, хотя кофе категорически не пил. От любых проявлений кофеина сердце начинало стучать, как отбойный молоток.

– У меня собака и поиски ветеринарки, – шикнула Надя, стряхивая с пальто шерсть.

– А после них? – Игорь не отступал.

– Тогда езжайте за нами. Или вместе с нами, – больше не петушилась она.

– Или вы пересядете ко мне, – изворотливо пытался Игорь настоять на своем.

– Нет, уж лучше вы ко мне, будете держать собаку и чертыхаться, как я мерзко вожу машину. Ах да, и до радиоприемника дотрагиваться я запрещаю.

Когда Надя кем-то очаровывалась с первого взгляда, организм сразу включал инстинкт самосохранения и своим холодным тоном вроде как отпугивал объект, излучающий опасность, способный нанести ей колюще-режущие в область нижней чакры. Однако у Игоря эти холодность и

неприкрытый сарказм включали режим «получить во что бы то ни стало». Он безропотно припустил за ней следом.

– Слушайте, почему вы заранее так негативно ко мне настроены? – Игорь шел, чуть отставая. На высоченных острых каблуках Надя была выше него практически на голову. Он не мог до конца понять, смущало его это или, наоборот, радовало, но поравняться с Надей на пути к машине он так и не решился. Хотя, возможно, его просто настораживал слюнявый бродячий пес с перебитой лапой.

– Что вы, это не негатив, а скорее реализм.

– Реализм? Послушайте, Надя, только конченная идеалистка будет тратить полдня на поиски ветеринарки для собаки, которая не имеет к ней никакого отношения.

– Ну, конченная или не конченная – это жизнь покажет, а пока лучше откройте дверь и расстелите там одноразовую пеленку, – выдала она поручение.

Игорем уже много лет никто не командовал. У него не было ни начальников, ни шефов, лишь партнеры, которые, конечно, могли с ним поспорить, но крайне уважительным тоном. И тут эта высокомерная веснушчатая выскочка... Что она о себе возомнила?

Хотя, что скрывать, Игорю это понравилось.

– Игорь! Вы не обижайтесь, если я была грубой, – обмолвилась Надя, когда они уже забрались в машину. – Я просто устала. Не принимайте на свой счет.

– Вам сложно будет мне поверить, но я вообще не умею

обижаться на людей, что бы они ни делали.

– Так не бывает. Вы что, адепт тайного общества или сектант? – в шутку ерничала Надя.

– Да, – без всякого смущения ответил Игорь.

Надя не поверила ему и скомкала губы в полуулыбке.

«Сектантское» прошлое

Игорь родился в середине семидесятых, под Оренбургом, в городе Соль-Илецке, известном колонией «Черный дельфин», где отбывают пожизненный срок разномастные душегубы.

Мать Игоря работала на бальнеологическом курорте, в восстановительной больнице, сначала санитаркой, а потом доросла до завхоза. Отец же служил надзирателем в колонии. Он был человеком хладнокровным, жестким и крайне безэмоциональным. Мог, например, за семейным ужином абсолютно ровным голосом поведать историю очередного каннибала, который написал кулинарную книгу по мотивам своих изуверств.

В детстве Игоря всегда потрясало умение отца абстрагироваться и воспринимать ситуацию, не пропуская сквозь себя. Видимо, этим его наградила профессия. Наверное, ни одна психика не выдержит работы в колонии строжайшего режима, где царят безысходность, мрак и тлен, если вдруг человек начнет кому бы то ни было сочувствовать. Не столь важно: жертвам или преступникам, которые с удовольствием предпочли бы смерть своему заключению.

По сути дела, одной из главных задач надзирателей было следить, чтобы никто из узников не покончил с собой или не убил другого, терять-то им уже было нечего. Многие уда-

рялись в веру. В начале девяностых самой заказываемой в колонию книгой была Библия.

Когда отец приходил домой, он сорок раз подтягивался на шведской стенке, чтобы сбросить напряжение дня. Детей никогда не бил, на горюх и в угол не ставил. Но его молчания (именно так он реагировал на конфликты в семье) боялись все домочадцы.

Младшие братья Игоря, близнецы Витя и Виталик, росли редкими шалопаями: у отца к тому времени смягчился характер, а мать была уже не в том возрасте, чтобы строить кого-то. Вся строгость оказалась вымещена на Игоре. Может, поэтому, вопреки теории вероятности и прогнозам соседей, именно он в семнадцать лет сбежал из Соль-Илецка в Москву. И не просто сбежал, а поступил в Юридическую академию. Так Игорь оказался в центре столицы, где подрабатывал в небольшой интернет-компании: сначала подключал телефонные модемы и настраивал их за тридцать долларов (тогда оплата шла исключительно в валюте), а позднее прокладывал оптоволоконную связь. Этого хватало на развлечения, выпивку и импортные сигареты. Их по-прежнему присылал брат, однако если посылка вдруг задерживалась, приходилось ехать на Новый Арбат, где втридорога можно было приобрести американский табак.

Комнату в общежитии Игорь делил с соседом Васей, который грезил Поднебесной и неустанно подбивал Игоря на авантюры фразами: «Блин, ты не понимаешь, за Китаем бу-

дущее», тихо откладывая деньги на билет до Пекина и обратно. Вася был уверен, что болтливость и чуйка Игоря вместе с его знаниями и прозорливостью сделают свое грязное финансовое дело. Произнося «грязное финансовое дело», он жуликовато хихикал, что делало его не коварным манипулятором, а озорным подростком в теле взрослого человека.

В 1991 году, едва Игорю стукнуло восемнадцать лет, он оказался на тренинге Вернера Эрхарда¹, что проходил в Москве. В Штатах тогда только вышла скандальная программа «60 минут», якобы разоблачающая Вернера как жестокого насильника собственной дочери. Незадолго до эфира Эрхард покинул Америку и, давая интервью каналу CNN на фоне собора Василия Блаженного, объяснял, что показанное в программе – заговор сайентологической церкви.

Отправляясь на первую встречу с Вернером Эрхардом, Игорь испытывал двойственные ожидания. Впитавший несбывшиеся мечты родителей, он все еще помнил рассказы о синеглазых хиппи в цветастых рубашках из натуральных тканей и вельветовых джинсах клеш, крутящихся вокруг своей оси на выжженной и вытопанной траве. И персонаж, собирающий тысячи людей, готовых расстаться с деньгами, чтобы получить «ничто», должен был выглядеть примерно так в романтических ожиданиях Игоря. Однако, учиты-

¹ Вернер Эрхард – основатель крупнейшего движения, получившего название EST (Erhard Seminars Training), оказавшее серьезное воздействие на развитие человеческих возможностей.

вая, что само философское представление (именно так его окрестили в кулуарах) проходило в Академии народного хозяйства и на него собралась вся политическая элита того времени, случиться на деле могло все что угодно.

Игорь был восемнадцатилетним недотепой, не имел никакого отношения к политической элите или тем редким интеллектуалам, что обладали «проходками», и оказался на тренинге случайно. Всему причиной явились дружба и легкий, как гусиное перышко, роман с преподавательницей по философии, что случился во время студенческой вылазки в Батуми. Преподавательница была поклонницей течения нью-эйдж, с упоением рассказывала о прикладной философии и методиках Александра Эверетта, за горячей сочной кукурузой и свежей чурчелой зачитывала Хайдеггера вслух и, согласно американской моде, на людях целовала Игоря без языка – как-то поверхностно и невзначай. Видимо, было в этих поцелуях что-то важное, если в итоге преподавательница поделилась пропуском на тренинг именно с Игорем.

Теперь Игорь вряд ли восстановит, что именно происходило на тренинге, какие переживания выбрались из-под заслона его памяти и чем кормили в перерыве. Он оставил зарубками лишь несколько деталей: что в помещении, где собралось почти триста человек, было мучительно душно, что выходить из зала не рекомендовалось (просили даже контролировать позы к мочеиспусканию), что Вернер обращался к присутствующим «assholes» (переводчик стыдливо про-

износил «козлы» или «жопы») и что все, происходящее в жизни человека, – результат его выбора. Даже то, что он сидит в этом затхлом помещении и мечтает справить нужду, но почему-то не делает этого. Его же никто не заставлял! В голове Игоря крутились мысли: «Блин, как же невыносимо. Ну неужели организаторы не понимают, что в такой жаре невозможно достичь просветления? Хоть бы фрамугу откинули...» И тут что-то в его голове перещелкнуло, проводочки поменялись местами, и до Игоря дошло, что он сам пришел, сам сел, сам терпит эту духоту, спазмирует мочевой пузырь, дабы не оконфузиться. Его никто не привязывал... да даже если бы привязал, это был бы все равно результат последовательных решений Игоря: он интересовался прикладной философией, отправился в Батуми, а потом принял приглашение на тренинг. Именно он ответственен за все, включая физиологические потребности. Что, конечно, казалось абсурдным.

Вместе с ощущением абсурда все вдруг стало на свои места. Дождь больше не шел для того, чтобы намочить его костюм. Пробки не были созданы преднамеренно, для того чтобы он опоздал. Агрессивные выпады незнакомых людей казались ему проявлениями слабости и вызывали сострадание. Игорь действительно постиг своего рода дзен. Не даром же Йоко Оно и председатель правления Warner Brothers были ярыми адептами «EST».

Хотя, наверное, не случись приезда Вернера в Москву,

были бы вовлечение в «Лайфспринг» или занятия дзюдо с партнерами по бизнесу – где-нибудь Игорь обязательно услышал бы об ответственности. За все, что происходит в его жизни.

Когда Игорь перестал складывать сей тяжелый груз на обстоятельства, его дела ринулись в гору. Не боясь оценок и суждений, он легко находил общий язык как с представителями бандитского мира, так и с чиновниками и выстроил отличные торговые отношения с Китаем. Техника, машины, одежда – все ручьем потекло в Россию. Заработанные деньги Игорь вкладывал в строительство заводов в регионах. Автокластер, фармкластер – казалось, у него было животное чутье на все передовое и выгодное. Однако живых денег в большом количестве на руках никогда не водилось. К моменту знакомства с Надей он уже который год ездил на гибридном «Лексусе», не особо желая его менять. Правда, чаще всего с водителем. Сам оказывался за рулем изредка, по выходным или когда душа требовала экстренной эвакуации из дома.

Когда Игорь заканчивал четвертый курс, умер отец, вскрытие производить не стали, ограничившись диагнозом «внезапная остановка сердца», мать поблекла, и Игорь принял решение переселить родных в Оренбург. На первые серьезные заработанные деньги он купил трехкомнатную квартиру и самый модный на тот момент кухонный гарнитур в городе. Пока Игорь суетился с переездом семьи, сосед по общежитию и партнер по бизнесу Вася, который был взят

с собой для моральной поддержки, окучивал женщин Оренбурга, рассказывая про столицу и бизнес с Поднебесной. Но это все ночами. А вечерами Игорь с Васей пытались превратить их маленькую компанию в корпорацию, налаживая бизнес-контакты, штудировали интернет (тогда еще медленный и модемный), переписывались с партнерами по логистике из Китая. Достаточно быстро Игорь с Васей поняли, что необходимо поглощать и выкупать небольшие транспортные конторы в соседних регионах, а если купить не получалось, то брать их под крыло, с барского плеча предлагая заказы, а потом аккуратно вводить своих людей в состав учредителей. Среди местных оренбургских бандюганов они с легкостью нашли очередных соинвесторов и начали мутить воду в стакане воды, имитируя бурю... Пытаясь казаться грозными и серьезными монополистами, в душе они оставались озорными школьниками, что перебираются через соседский трухлявый штакетник, чтобы урвать яблок, они же за чужим забором слаще...

У одного из соинвесторов была младшая сестра – Леночка. Леночку зачем-то брали на встречи и переговоры, она скучала, хлопала пушистыми ресницами и улыбалась всему, что слышала. Эта простота, легкость и светлые волосы по пояс... как-то все сплелось в один узел страсти и гормонов. И летний роман перетек в свадьбу. Игорь перевез Леночку в Москву. Правда, то ли от шальных денег, то ли от скуки всего через два года Леночка спилась, и они с Игорем разве-

лись. По суду и в одностороннем порядке.

Второй его брак был лучше первого. Удобнее и тише. Жену Игорь снова нашел в Оренбурге. Ольга была спокойной, в меру настойчивой, но, в отличие от Леночки, многого требовала, в частности внимания и детей.

Переехав в Москву, Ольга устроилась работать в небольшую туристическую компанию бухгалтером, домой возвращалась усталая и ворчливая, но уходить в домохозяйки отказывалась, потому что проводить дни в ожидании мужа было чем-то из ряда вон ужасающим. Ольге казалось, что так она сойдет с ума.

Несколько раз Игорь брал Ольгу в свои командировки в Шанхай, но Вася всегда противился, рационально разделяя мух и котлеты, а именно баб и бабки. В итоге брак начал трещать по швам, и Ольга вернулась в Оренбург. Поскольку в Оренбурге строились заводы Игоря, а также находилась его управляющая компания «Логистика К», он треть своего времени проводил там, а оставшееся – в Москве. Вася же перебрался в Поднебесную на ПМЖ и разруливал все возникающие на чужбине вопросы.

Жизнь на два города вполне устраивала Игоря – Ольга радовалась его приездам, ютилась под крылом своей семьи и не встречала его по вечерам осуждающим взглядом. Несколько лет он ежедневно пытался донести до Ольги истину, понятию на тренингах: если она обижается – это ее выбор, но не его вина. Ольга же осмеивала эту теорию и неустанно тал-

дычила: «Если женщина ни на что не обижается, ничего не требует и из-за тебя не переживает – значит, у нее просто появился кто-то другой».

Для Игоря тренинги не были попыткой стать неуязвимым, он и вправду познал божественное «ничто». И даже бросил курить.

Практически силком Игорь вовлек в свои учения и Ольгу, но та, несмотря на восторги и якобы открытия, продолжала проедать ему плешь своими претензиями. Но претензии в Оренбурге были более мягкими и решаемыми, чем претензии, которые возникали, когда Ольга была в Москве и ежедневно сканировала его с укором.

Женщина из порнофильма Эндрю Блейка

Секс с Надей напомнил Игорю порнокартины Эндрю Блейка с настолько высокохудожественной похотью, что хотелось испепелить взглядом использованный презерватив, лишь бы не поганить отходами высококультурное порево. Они еще не перешли на «ты», а Игорь уже сунул стодолларовую купюру ветеринару, чтобы тот оставил бродячую собаку себе на ночь, Надя же наврала мужу, что ночует у подружки в Москве...

Игорь расплатился за номер отеля кредиткой, Надя была так им увлечена, что даже не рассмотрела фамилию на пластиковой карте. Может, он вообще не Игорь. А какой-нибудь проходимец. Пикапер. Или вор. А может, еще того хуже, и Надя очнется в ванне со льдом и без почки.

– Мне кажется, что от меня до сих пор пахнет псиной! – Надя выбралась из объятий Игоря и отправилась в ванную комнату. Ей хотелось умыться и смыть с себя осень. Надя склонилась над раковиной, набрала в ладони воды и в этот момент почувствовала, что Игорь стоит сзади и перебирает пальцами ее волосы. Шпильки из аккуратного пучка со звоном упали на кафельный пол. Игорь удивился, заметив, что волосы у Нади длинные и даже прикрывают лопатки. Смахнув копну с ее спины, он несколько раз провел рукой по шее

и расстегнул кажущуюся бесконечной молнию на платье.

– Я просто убираю все лишнее.

– Я заметила... – Надя стояла с мокрым лицом, капли струились вниз по щекам, стекали на ключицу, стремились вниз по груди, особо живучие образовали крохотные ручейки на животе...

Игорь горячо дышал ей в затылок. Без ее каблуков они были одного роста. И глаза у них были одинаково зеленые. Да и в самом сексе они чтили одни и те же позы, были раскованы, не допускали запретов, легко выражали удовольствие и не стеснялись громко стонать в кульминационные моменты. Наде нравилась мягкость рук Игоря, его запах и ритм дыхания. Игоря приятно удивила та буря эмоций, которая вырывалась из Нади, ее пластилиновая гибкость и кошачья пластика, как мягко она перетекала из позы в позу, не вызывая моментов смущения. Ее волосы не попадали ему под локоть, у нее не затекали ноги, и она не отталкивала его в оральных прелюдиях, показывая, что он перешел допустимую глубину. В их союзе все было можно и не было никаких табу. Не возникало никакого дискомфорта, будто они были деталями единого механизма.

С утра они без особых обсуждений перешли на «ты».

– А чем ты занимаешься? – спросил Игорь.

– Этим. – Надя с загадочной ухмылкой провела рукой по постельному белью.

Игорь смутился. Было видно, что он сопоставлял в голо-

ве факты: бродячая собака, отделение политической партии, обручальное кольцо с желтыми бриллиантами, пальто из серого кашемира, веснушки, тугий аккуратный пучок и слово «этим». Не вязалось в единый контекст.

– Что ты сразу замолчал? – расхохоталась Надя. – Этим значит постельным бельем. А ты уже испугался. К слову, халат, что на тебе, тоже моего производства.

– С чего ты взяла, что я испугался? Может, наоборот, обрадовался, что наконец все будет легко и просто. А тут на тебе... Ты деловая колбаса. На выборы, кстати, пойдешь? – отвлекся он на отеческий триколор по телевизору, который включил на автомате.

Если честно, Надя всегда ненавидела политиков и чиновников лютой ненавистью. И даже подумывала стать или скандальным журналистом, или депутатом и на высоченной шпильке устроить рейд по тропам мести. Но итог был предопределен: в двадцать три года она вышла замуж за депутата Госдумы. Он был на двенадцать лет старше, не лысел, не седел, особо не потел, перед первым свиданием не робел, предложение сделал бойко, да и в быту был неприхотлив и не особо требователен. Расчет в этом браке был идеальным. А любовь... Возможно, в начале она и была, но с годами все как-то подзабылось. Или просто-напросто не нашлось повода, чтобы вовремя катапультироваться из нелюбви, в которой вязнут семьи одна за другой, потому что страшит неопределенность.

– Придется. Я замужем за депутатом. Первое, что сделаю, когда разведусь, – перестану смотреть и читать новости, удалю твиттер, и на выборы меня калачом не заманишь.

– Я тоже терпеть не могу политику. И на выборы не пойду.

– А почему не пойдешь?

– Я прописан в Оренбурге, а брать открепительный для меня слишком сложная история.

Игорь показался Наде настолько простым и не похожим на всех ее бывших мужчин, что периодически она терялась от его незатейливости. Внешние недостатки легко компенсировались мягкостью голоса и спокойствием, которое от него исходило и прокрадывалось под кожу. Плевать, что провинциал и что не Аллен Делон внешне. Была в нем харизма, которая пленила Надю на каком-то незнакомом ей доселе ментальном уровне. Примагнитило.

– Терпеть не могу осень! – обронил Игорь, выглядывая в окно на шумный промозглый город.

– Если ты не можешь победить осень, лучший вариант – ее просто полюбить...

– И тогда однажды она тебя предаст, – вдруг распахнул створки своей души Игорь. – Слушай, можно я сразу о себе кое-что скажу, чтобы потом не возникало лишних вопросов и претензий? – Он обернулся на нее и впился взглядом. – Я настолько эгоистичный, что со мной даже кошки не уживаются. Ты не жди от меня ничего, ладно? – выпалил он, будто заранее извиняясь.

– Спасибо тебе за неповторимую ночь! – оцепенела от его слов Надя и попыталась сменить тему.

Она сидела за гостиничным трюмо и причесывалась как-то по старинке и грациозно, зубами придерживая шпильки, пока собирала волосы в пучок. От нее доносились запахи догорающей осени, петрикора и почему-то спелого инжира.

– Неповторимую ночь? Ты намекаешь на то, что не будет повторения?

Игорь несколько раз хотел взлохматить ее волосы, но безупречность прически его отпугивала. Он ограничился тем, что положил руки Наде на плечи и большим пальцем несколько раз провел по шейным позвонкам.

Надя склонила голову к его ладони и уткнулась в нее подбородком.

Стало ясно: это не последняя их встреча.

Но... как и во всех историях, было одно «но».

Надя встретила Игоря слишком поздно. Опоздала, не прыгнула с заледенелого перрона в отчаливающую электричку в последний момент. Он уже не верил женщинам... А она все билась... как рыба об лед... Несколько раз собиралась подать на развод, но потом понимала: Игорю она тоже не нужна. Ему вообще никто не нужен – самодостаточность всегда казалась Наде хмельной бравадой, а тут раз – и она воочию ее узрела.

Непреодолимая жестокость

Как-то, спустя месяцев восемь после начала странного романа с Игорем, вернувшись домой, Надя застала своего мужа за изменой прямо в гостиной: он стоял посреди зала в одних носках и издавал не то рык, не то вой, склонив перед собой Надину сестру. Нина пальцами вцепилась в спинку стула, и тот постукивал о фамильный дубовый стол в ритме анданте.

На реставрацию стола Надя потратила почти два года, на брак – десять. Вихрем крутились мысли, будто центрифуга заставила быстро вращаться все самые «липкие» воспоминания.

Тяга к несовершеннолетним еще с юности действовала на Надю как тяжелая сосулька, по весне упавшая с крыши прямо на голову. Увидев однажды одноклассницу в потных и маслянистых объятиях учителя истории, Надя выбежала из школы испуганная и ошарашенная, а тут бац – и сосулька на голову. Ко всему увиденному вдобавок. От удара Надя стояла удивленно-улыбчивая, солнечные зайчики вмиг мутировали перед глазами в шуршащие мушки, сепия заполнила ее видение мира... И лишь капель по тонкой крыше крыльца и проезжающая электричка остановили ее от потери сознания. С тех пор она всегда боялась потерять сознание. Да, сознание и ясность всегда были для Нади маяками, а чувство ватных ног, как будто мягких и плюшевых, и ощущение потери

контроля казались концом света: дальше были только мушки, а за ними тьма. Ну или что-то очень неприятное вроде раствора Люголя. И сейчас она снова теряла равновесие, не в силах даже закричать, чтобы прервать их сношение.

Сказать, что измена была для Нади чем-то катастрофическим, чего она не могла простить? Нет. Как раз измена казалась ей чем-то обыденным, обыкновенным и заурядным. Сколько она сама изменяла. Но было у Нади табу: никогда не приводить в дом, чтобы чужеродный организм ни молекулы своей нежности или похоти не оставил в семейном гнезде. Для Нади было наиважнейшим из приоритетов сохранять адюльтеры в тайне. Именно это она считала верхом уважения. Рассказать, сознаться и тем самым переложить содеянное со своих плеч на плечи человека, с которым ты поклялся идти по жизни, несмотря на болезни, печали и бедность? Ни за что.

Нина была почти вдвое моложе Нади. Курносая простофиля, в детстве дурнушка, нескладеха, которую Надя жалела. Покупала ей платья в самых фешенебельных бутиках Европы, водила по косметологам и массажистам, лечила ее сколиоз и акне, мечтала, чтобы та стала счастливой. Хотя... Так Надя себя утешала. На самом деле ей было тоскливо и одиноко в большом доме: муж пропадал на работе, приходил глубоко за полночь и уходил, лишь первые всполохи рассвета показывались за сосновым бором. Собственный бизнес уже не требовал от Нади ежечасного участия, и она легко мог-

ла себе позволить работать всего два дня в неделю. Детей она не хотела: считала, что склеивать детьми брак – кощунственно, как и лечить ими себя от одиночества, чтобы быть хоть кому-то нужной. Жизнь с сестрой отгоняла от нее тоску, Нина по утрам ездила с Надиным мужем и водителем в Москву на учебу, а днем Надя забирала ее возле железнодорожной станции «Переделкино». Они много гуляли по исполосованным хаотичной застройкой перелескам, сплетничали и по очереди читали книги на английском. Сестра – для практики языка, Надя – от скуки. Как эта жизнь обернулась любовным треугольником, Надя понять не могла. И главное: сколько это продолжается? Сестра жила с ними с четырнадцати лет.

– Дубовый стол не колоти стулом! – неожиданно для себя выкрикнула Надя и стремглав пронеслась по лестнице на второй этаж.

Стыдно признаться, но увиденное не нанесло Наде сильной раны. Противно, что в доме, неприятно, что на ее глазах, погано, что с сестрой. Лучше бы она не видела этого, не знала. Надя прекрасно для себя уяснила, что сама по себе измена не несет никакого вреда, и женщины боятся вовсе не неверности супруга, а факта обнародования этой измены. Когда уже поздно делать вид, что ничего не произошло, и надо принимать какие-то решения. Брать на себя ответственность.

Муж Нади наспех прикрылся фарфоровым блюдом как

фиговым листом и бросился догонять ее. Надя не успела вбежать в комнату и повернуть ключ в замочной скважине, он поймал ее в коридоре.

– Прости меня! – Муж схватил Надю и начал целовать ее руку. Двухдневная щетина оставляла розоватые пятна на нежной коже рыжеволосой и нервничающей Нади. Несмотря на шок и испуг, эрекция у него не пропала, когда он выпустил блюдо из рук на эмоциях.

– Наверное, я виновата, не предупредила, что сегодня вернусь, а не завтра с утра. Прости, что я появилась в собственном доме без предупреждения. Прости, что я перевезла свою сестру, как последняя эгоистка. Прости, что создала для тебя условия непримиримого соблазна. Ты прости меня!

– Когда ты так говоришь, я не могу понять, ты это серьезно или пускаешь в ход свой сарказм. Слушай! – Его глаза вмиг помутнели и наполнились враждебной муťou. – А дай-ка мне свой телефон! Ты что, заснять нас успела? Иначе чего ты такая спокойная? – вскипятился непокорный супруг.

– Да ты психопат, что ли? Совсем со своей политикой параноиком стал? – Надя вырвалась из его рук и поспешила в свою комнату. Но ей снова не удалось захлопнуть дверь, он успел поставить ногу в проем. – Может, дашь мне побыть одной? Или нет, сейчас все надо объяснять?

– Надя! Скажи мне, ты что, нас снимала? – не унимался он.

– Да не снимала я никого! Держи – проверь! – Надя суну-

ла ему свой телефон. – А теперь дай возможность собрать вещи! Я не хочу оставаться здесь ночевать.

– Блин, я не хотел, чтобы все так вышло. Но я люблю ее, понимаешь? – Он успокоился и разоткровенничался. – И когда ей исполнится восемнадцать, мы поженимся.

– Значит, ты все уже для себя решил? – Надя театрально сползла по стене на пол и закрыла лицо ладонями.

– Слушай, как будто ты у нас святая. Тебе припомнить все твои похождения? Если я о чем-то молчу – это не значит, что я чего-то не знаю.

– Ну конечно, эта малолетняя Лолита на меня стучала, – вдруг осознала весь фарс происходящего Надя. – Да пошли вы оба к чертям свинячьим! Знаешь, что самое противное? Что я потратила на тебя десять лет! Долбанных десять лет своей жизни!

– Надя! Ты думала, что ты хитрее всех! Ты была уверена, что крутишь всеми вокруг – манипулируешь сестрой, мной, что все мы – марионетки в твоих руках. Ты решала, кому мне лизать жопу, а кого слать нахер, ты придумывала схемы для бизнеса, ты даже накладывала вето на выбор моего галстука. Да с тобой любой кобель себя начнет чувствовать сукой!

– А с ней ты, значит, кобелиной себя чувствовал? Ты вообще понимаешь, что это моя сестра? Что для меня это на грани инцеста? – не выдержала Надя и распахнула дверь, ударив по носу мужа.

– Да это у тебя с ней кровное родство, не у меня! – Он не

стеснялся вопить и возмущаться.

– Послушай, милый мой, это ты трахал несовершеннолетнюю сестру своей жены! Не вынуждай меня дерьмом себя чувствовать, ладно?

– Забирай себе квартиру на Сретенском бульваре, и давай разъедемся! Попрошу, чтобы жильцы поскорее съехали. – Как чиновник со стажем, он решил предложить вариант максимально бескровного решения ситуации и сразу поставил ногу в проход, чтобы дверь не захлопнулась обратно, пока они не решат, что делать.

– Не переживай, я уеду прямо сейчас – соберу вещи на первое время. Остальные пришлешь.

– И ты даже не расплачешься?

– А тебе нужны мои слезы? – с плотоядной улыбкой изрекла Надя.

– Нет, меня просто удивляет твоя железная бесчеловечность. Столько лет подряд ты говорила, что любишь меня, что будешь со мной всегда. И узнав, что я люблю Нину, ты даже не расплачешься? Тебе что, даже не больно?

– Не знаю. Наверное, нет. Моя гордыня задета: я не могу сама себя простить, что не ушла от тебя первой. Вряд ли я смогу общаться с сестрой, потому что вы оба предали меня, но она сильнее. А боль... боли я не чувствую. – Надя лукавила. Может, острой боли она и не ощущала, но грудины спазмировало так, что она еле могла вздохнуть.

– Потому что ты вообще не умеешь чувствовать! Ты хо-

лодная рыба, которая не умеет испытывать человеческих эмоций. Ты живешь в теории. По заранее прописанным рецептам и сценариям.

– Это больше не твоя печаль. А теперь убери ногу, можно я закрою дверь?

Потерять мужа – страшно. Как бы там ни было, муж – это тот, к кому Надя приходила оплакивать отгоревшую страсть: его, свою.

Ей казалось, что она кинута в неизвестность, и это пугало. Переступая ступени вниз по лестнице с дорожной сумкой наперевес, Надя повторяла себе: «Пустота – это не страшно. Пустота – это то, что можно заполнить чем-то новым».

Сев в машину, она растерялась. Куда ехать? К подругам? Беспокоить их посреди ночи и потом до утра объяснять, что же произошло? Игорь не брал трубку. Десятки звонков не возымели действия. Как и сообщение: «Я ушла от мужа и не знаю, куда ехать, что делать и как жить дальше. Где ты?»

Тут Надя задумалась, что за без малого год ни разу не была дома у Игоря, они встречались в ресторанах, выходные проводили в подмосковных гостиницах, летали в Венецию, Вену и Рим, но никогда он не звал ее в гости. Надя знала, что он живет где-то на юго-западе города в новостройке, что периодически к нему приезжает то мама, то братья, и это всегда служило оправданием или поводом не приводить Надю домой.

Он рассказывал, что недавно развелся. Но они никогда не

вдавались в детали своих семейных отношений – это было лишним, ненужным. Или таким казалось.

Наде было достаточно, что она не чувствует на его пальцах обручального кольца, что от него не пахнет чужими духами и он выключает звук на телефоне, когда они вместе. Еще в одну из первых встреч они пообещали никогда не ревновать друг друга. Игорь говорил, что считает ревность бессмысленной: если соперник действительно существует и значим, то ревновать уже поздно, а если его нет – то и смысла в ревности нет. Надя делала вид, что с ним соглашается. Ей было незнакомо чувство ревности – мужа она никогда не ревновала, ей казалось, что он столько работает, что времени на адюльтер просто нет, для нее муж вообще был гранитной плитой на ножках: порядочный, надежный, верный. Оказалось, что когда кажется, действительно лучше креститься.

Чаще всего Игорь и Надя встречались в его любимой гостинице. Она располагалась на Дмитровке – там было двадцать или тридцать номеров, каждый обставлен по-своему, неплохой бар с хорошей винной картой, да и с парковкой никогда не возникало проблем. Несколько раз Надя уже возле дверей отеля пыталась намекнуть, что не прочь отправиться к нему домой, но Игорь не хотел терять времени в пробках и жадно проникал пальцами в ее волосы, а потом целовал и покусывал ухо: в итоге Надя покорно соглашалась.

Когда Надя увидела машину Игоря, припаркованную возле входа в отель, все стало еще более ясно: она была не един-

ственной. Да, Игорь никогда не обещал ей верности, но Наде так хотелось думать, что она действительно ему нужна, и без лишней робости она мечтала и фантазировала, что однажды он позовет ее к себе. Насовсем. И Надя сбежит от мужа. Да, Надя, в отличие от Игоря, всегда ждала спасения извне. Ей постоянно казалось, что в мире имеется сущность, миссия которой – служить Наде, спасти ее, помочь. Не важно, в каком обличье водится эта сущность и как ее называть: судьбой, ангелом-хранителем или случаем. Да, в мире, где правит случай, надо быть с ним в ладах и не ссориться с шестикрылыми помощниками на плече.

– Скажите, а Игорь Маковецкий уже заселился? – полюбопытствовала Надя, протягивая менеджеру кредитную карту, чтобы оплатить номер.

– Простите, но мы не имеем права давать информацию о своих постояльцах, – выпалила администратор заученный текст.

– Я увидела его машину у входа и просто поинтересовалась. Возможно, вы с ним свяжетесь и скажете, что я ожидаю его в лобби. Я все равно собиралась выпить бокал вина перед тем, как идти спать.

– Простите, но я правда не могу предоставить вам такую информацию.

– Хорошо, давайте сделаем так: если он в ближайшие пару часов будет что-то заказывать в номер, вы передадите ему записку. Естественно, если ситуация позволит.

Менеджер еще с полминуты помялась, но в итоге согласилась.

Удивлению Нади не было предела, но Игорь спустился через тридцать минут. Вид у него был обескураженный и расстроенный. А в ней меж тем – пол-литра вина.

– Я не буду спрашивать, почему ты не брал трубку, – завела беседу Надя, пытаясь не показывать напряжения.

– А я и не собирался отвечать тебе на этот вопрос. – Игорь присел напротив, но даже не дотронулся. Он казался сонным и уставшим, красные глаза сильно выделялись на фоне мягкого мериносового свитера мышинового цвета. От него пахло душем и другой женщиной.

– Я ушла от мужа, – совершила выстрел из парабеллума Надя.

– И зачем ты это сделала? – Игорь сказал это с небольшой смехотцой в голосе, но добродушно и по-отечески, как будто интересовался у ребенка, на кой черт тот отморозил уши назло воспитательнице детского сада.

– Так вышло. Я застала его. – Она никак не могла сшить слова во внятное предложение. – Как бы это сказать. В моей сестре. И да, она несовершеннолетняя.

– Вот тебе и Набоков. – Игорь покрутил бутылку, чтобы понять, сколько вина уже выхлебала Надя.

– Игорь, мне страшно! – выдавила из себя Надя признание. До этого она никогда вслух не произносила слово «страшно».

– А ты не бойся! Если надо – я тебе помогу. Тебе нужны деньги? Есть где жить? – включился он в ситуацию.

– Не в этом дело. Деньги у меня какие-никакие есть. Квартира будет через неделю. Мне ты нужен. – Она потянулась взять его за запястье, но он одернул руку.

– Надя, давай не будем. Этот разговор ни к чему хорошему не приведет.

– Что значит не будем? Ты мне правда нужен. И насколько видела, я тоже тебе не безразлична, – оторопела Надя.

– Блин, – отпил он из ее бокала, – я не знаю, как тебе это объяснить. Ты классная. С тобой очень здорово. Но без тебя мне не менее здорово. Кажется, это называется самодостаточностью. Я дважды был женат, не так давно развелся. Мне правда хорошо одному, а когда мне не хочется быть одному – я с легкостью решаю эту проблему.

– Но ты же говорил, что мы будем любить и ценить друг друга? – Она попыталась загнать его в угол.

– Но я не говорил, что мы будем жить вместе и... Мы же договаривались друг друга не ревновать, забыла?

– Сколько у тебя их помимо меня? – Надя опорожнила налитое и долила содержимое бутылки в бокал.

– Надь, какая разница? Ты сейчас занимаешься мазохизмом, все же было так здорово. – Игорь запрокинул голову и уставился на патлатую хрустальную люстру.

– Постой. Ты хочешь сказать, что тебе даже не жаль меня сейчас? Что ты вот сейчас на меня смотришь и у тебя не воз-

никает желания меня обнять и прижать к себе, спасти от всего случившегося? Ничего, что я сейчас на грани истерики, вызванивала тебя полночи, а ты даже не удосужился взять трубку? – понесло Надю вкривь и вкось разговора.

– Надя, ты сейчас выдаешь свою интерпретацию и свое видение ситуации. Помнишь, я тебе говорил, что сектант? Ты мне еще тогда не поверила? Я действительно мыслю иначе, нежели ты. И нормальным людям с нами часто бывает очень сложно. Пойми, с точки зрения обычного человека ты действительно жертва обстоятельств. Твой муж козел, мудвин хренов, совокуплялся с твоей сестрой. И я тот еще подонок – не бросился тебя утешать и не кричу, как я люблю тебя. Но... я правда думаю иначе. Я считаю, что ты имеешь ровно то, что ты имеешь. И что брак – это результат твоего к нему отношения. А еще у тебя есть выбор: относиться к этому как к вселенской трагедии или же не париться по этому поводу.

– Ты белены объелся? Ты вообще понимаешь, как можно не париться по этому поводу? – Надя вдруг зазвучала грубо, как скрежет металлических листов.

– Я понимаю. И знаю, что ты сама решаешь: переживать или не переживать. А с таким отношением к жизни, как у тебя, ты всегда найдешь повод для переживания.

– Тебе абсолютно не важно, что со мной? – Надя глотала вино с остервенением, ей думалось, что возможно выпить всю боль этой ночи залпом.

– Нет никакой разницы, действительно ли мне важно, что

с тобой, или я просто делаю вид. Большинству твоих знакомых абсолютно по барабану, что там у тебя произошло, но они рьяно будут разыгрывать трагедию, что заинтересованы, станут тебя слушать и успокаивать. И этого ты ждешь от меня. Что я буду прыгать вокруг тебя и подтверждать твою теорию жестокого мира.

– Но я правда в тебя влюбилась. И если бы ты позвал, я ушла бы от мужа, – пыталась она вернуть беседу в русло их с Игорем взаимоотношений.

– Я это тоже понимаю, Надя. Только есть одно «но»: не виноват я в том, что ты в меня влюбилась. И в том, что не соответствую твоим ожиданиям, тоже не виноват. Ты ищешь во мне причины, а во мне их нет – они внутри тебя. – Игорь мягким голосом попытался объяснить Наде, под каким углом смотрит на ситуацию. И искренне пытался помочь.

– Это же жестоко. Так относиться к людям, когда они к тебе со всей душой, – не унималась она.

– Так я к тебе тоже со всей душой, просто моя душа устроена несколько иначе.

– Я вообще сомневаюсь, что она у тебя есть. – Надя поднялась и молча ушла.

Ей казалось странным, что Игорь не бросился ее догонять. Ей казалось дико странной вообще его реакция и слова. «Со всей душой. Тоже мне...»

Если бы Надя умела писать, она написала бы книгу о том, как выжить после страсти или собрать себя из осколков. Как

стать фениксом и восстать из пепла. Пока она этого не умела.

Потерять любовника было неожиданно. Неожиданнее, чем потерять мужа. И, что удивительно, теперь ей действительно стало очень больно.

Всю бессонную ночь Надя представляла себе письмо в прошлое. Письмо, адресованное Игорю, самое страшное письмо, которое только может получить мужчина. Из серии: «Знаешь, я очень долго не могла тебя простить, а теперь говорю тебе чистосердечное спасибо, настоящее искреннее спасибо за то, что сейчас я счастлива. Спасибо, что научил быть сильной. Пройдя через тебя, я по-настоящему начала ценить жизнь. Ты был болезнью, лекарство от которой – поверить в себя. Спасибо тебе за мой иммунитет ко всему безнадежному и грустному. Спасибо за то, что однажды, улыбнувшись сквозь слезы, я перестала себя жалеть. И спасибо, что никогда меня не жалел. И ты знаешь... несмотря на обманы и боль... я желаю тебе счастья».

Да, когда-нибудь Надя достигнет просветления и напишет подобное письмо Игорю, но в ту ночь она молилась только об одном: не столкнуться с ним и его любовницей за завтраком, не выходить из номера, пока его машина не исчезнет с парковки, и не видеть его в ближайшие годы. Ей страшно хотелось ненавидеть Игоря, разозлиться на него, на чуть полноватого провинциала с нездорово завышенной самооценкой, дважды разведенного, негодного для брака и человеческих отношений; возненавидеть его всем сердцем, разо-

злиться так сильно, чтобы хотелось колотить кулаками и вонзять каблуки между ребер, а потом... молиться о равнодушии, о чуть высокомерной брезгливости... Чтобы относиться к нему просто: «Было... Было и прошло...»

Однако Игорь у Нади не проходил, даже перешел в хроническое любовное заболевание. Иногда ей казалось, что Игорь зацепил ее тем, что не поддавался на манипуляции и провокации, иногда – что это просто роковое влечение, и на молекулярном уровне ее зацепил его запах; а порой Надя и вовсе думала, что дело в ней самой – она настолько порочна и эгоистична, что не может простить, когда кто-то на этой земле предпочел ей другую. Правда, к мужу это не относилось. А только к Игорю...

Неделя прошла в слезах и в кровати номера отеля. В упительной жалости к самой себе она ходила по стенам, как шаолиньский монах, пытаясь найти равновесие в перевернутом положении вселенной.

Помещения с душой и люди, живущие без сердца

Надя всегда любила живые помещения, доверху заполненные звуками и чем-то неявленным.

Квартира запомнилась Наде приятно угрюмой, полной таинственной меланхолии и звонкой, где шаги откликались колокольным перезвоном, а высокие потолки с восстановленными потолочными плинтусами и лепниной начала прошлого века давали воздуха и кружили голову, как бокал игристого за завтраком. Французский балкон позволял выставить плетеное кресло и читать поэзию декаданса. Надя не знала, зачем ей одной три комнаты, но поскольку квартира досталась после развода, решила не рефлексировать лишний раз.

Она переступила порог своей новой обители в полдень, открыла выданным ей комплектом ключей дверь, положила пальто из темного габардина на кушетку и сразу же вышла на балкон с резными поручнями: машинная толкотня, воркующие студенты на бульваре, сонный гастарбайтер, погоняющий первые осенние листья метлой, пересуды двух таксистов, не поделивших полосу, а вот ветхих старушек с алебастровой кожей и выцветшими ресницами не видать.

Что-то было в окружающем мире диссонансное, но крайне для Нади спокойное. Возможно, она нащупала ту самую пустоту, которую теперь придется заполнить чем-то новым.

Услышав чьи-то шаги, Надя встрепелась и вернулась в комнату. Показалась бывшая хозяйка квартиры.

– Привет! Меня зовут Вера, – представилась она и радушно протянула ладонь для рукопожатия. – А вы Надя, да?

Вера была невысокой подтянутой женщиной чуть старше Нади со светло-каштановыми волосами по плечи, перебитой несколько раз татуировкой на запястье и чуть асимметрично пухлыми губами. Холодные серые глаза миндалевидной формы отливали в сталь. Она звучала мягко, но при этом одним присутствием очерчивала границы, за которые нельзя преступать. Вера умела располагать к себе, но при этом не терпела панибратства.

– Я знаю, что вы Вера. Муж, точнее, бывший муж, – поправила себя Надя, – говорил, что вы писательница. Какую-нибудь из своих книг оставите? – спросила Надя, осматривая книжные шкафы и доставшееся ей по наследству хозяйство.

– Если не забуду. А чем вы зарабатываете на жизнь? – решила поддержать светскую беседу Вера.

– У меня небольшая компания, занимающаяся пошивом байковых пижам с фамильными инициалами и производством текстиля для гостиниц. До кризиса возила в Россию египетский хлопок. Но сейчас все экономные стали, вот и пришлось выдумывать что-то попроще. – Надя не любила рассказывать о своей работе, нет в ней ничего выдающегося,

кроме того, что она может позволить себе ту же жизнь, которой жила, только теперь без мужчины.

– Байка и египетский хлопок – странное сочетание, – задумалась Вера, вспомнив свои детские пижамы в слониках со вздернутыми хоботами.

– Вы мебель оставляете? – Надя никак не решалась сесть на диван, вдруг за ним сейчас поднимутся грузчики. – Я не в курсе, что здесь было куплено моим бывшим супругом, а что вами.

– Детскую и письменный стол я приобрела, а все остальное – вы. Я лишь кое-что усовершенствовала. Привозила дамаск из Эмиратов, чтобы обить мебель в гостиной. Ваш муж, точнее, бывший муж, – прикусила язык Вера, – дал мне несколько месяцев бесплатного проживания в обмен на эту работу. – Она решила приподнять кресло, чтобы показать, как хорошо заделаны швы обивки, как вдруг выронила из рук телефон.

Надя поспешила помочь и подняла его с пола.

– Даже не треснул! А это кто на экране? Сын? – мальчишка раннего школьного возраста улыбался с экрана и корчил ехидные морды.

– Да. Степой зовут. Имя отвратительное, но что можно было ждать от женщины с пляшущими гормонами? Муж, точнее, тоже бывший муж, – расплылась в ехидной улыбке Вера, – до сих пор мне простить имени сына не может.

– А по-моему, нормальное имя. Мне нравится. Но сына я бы так не назвала. – Шутка как-то сама слетела с Надиных

уст.

– А вы почему в такой спешке въезжаете? – с некоторым недовольством наконец вставила свои пять копеек Вера.

– Мой муж и моя сестра решили, что созданы друг для друга. А я, как лишний элемент, получила отступные и решила ретироваться из этой системы координат. – Надя заготовила целую речь, понимая, что оправдываться придется не единожды, но тут ограничилась циничным заявлением.

Спустя неделю случившееся между мужем и сестрой уже не казалось ей вселенской драмой.

– Знаете, а вы мне нравитесь! Я даже, пожалуй, спишу с вас какую-нибудь героиню для своих книг. – Вера разглядывала Надю как под увеличительным стеклом, с задором натуралиста.

– И что вы обо мне напишете?

– Надя уже достаточно цинична, лицемерна, самодовольна, успешна в своем деле, что не могло пагубно не отразиться на ее характере. Эгоистичная, жесткая, она к тому же увлекалась историей магии и колдовства. Любила темноту, зеркала, и ей нравилось разглядывать грустные покосившиеся памятники на заросших валежником могилах. В меру асоциальна, худа, надменна, никогда не носила очки и в прошлом кандидат в мастера спорта. Во многом Надю погубила ее независимость: она всегда знала, что на хлеб с маслом заработает, и эта независимость отрезала ее колючей проволокой от слияния с мужчинами. А те думали, что она не способна на

человеческие проявления чувств. Но потом она влюбилась, и все пошло наперекосяк – или, наконец, в нужную сторону. – Вера выдала свой психологический портрет Нади легко и непринужденно.

– Я никогда не была кандидатом в мастера спорта и по вечерам ношу очки. А в остальном, я думаю, вы попали в точку. Но как вы узнали, что я увлекаюсь историей магии?

Надя действительно увлекалась халдейской астрологией и мусульманскими мистическими учениями, однако на пути суфия ее останавливала ступень «тарикат», а именно послушничество в роли мюрида при ишане. Служить кому-то Надя была не готова. С ее аристократической внешностью преклоняться перед кем-то – не *comme il faut*. Мешало ей в просветлении самолюбие, склонное к уязвлению. То есть попросту выросшее как на дрожжах пышнотелое эго.

– Ваши вещи привезли еще с утра – я видела и мандалу, и огромный набор ароматических масел, а также массу книг по эзотерике и истории магии. Так что тут чистой воды метод дедукции. Сами-то верите в магию и волшебство?

Надя отрицательно покачала головой. Она хотела бы верить в сказки, чудеса, на худой конец, в привороты и черную магию. Или хотя бы в любовь.

Игорь – это было чем-то из ряда вон. И Надя все никак не могла понять, почему за неделю ей так и не полегчало.

Игорь не звонил. Она ему, соответственно, тоже.

Много лет подряд Надя делала то, что в угоду общества

считала правильным и нужным, играла роли, разыгрывала драму. Иногда от факта развода и неминуемой свободы Наде становилось тепло на душе. Она выдыхала загазованный столичный воздух с особой нежностью и признательностью к жизни. Что-то вроде «спасибо, что услышал и освободил». Не знаю, говорила она это мужу, сестре, богу или загородному дому, который как будто клешнями завладел ею, да и неважно это. Важно то, что Надя наконец оказалась одна.

Одиночество... Как долго она об этом мечтала, но боялась себе признаться; однако, оставшись в тишине и уединении, Надя сразу начинала хотеть уткнуться Игорю в шею, почувствовать его запах, стать молекулой кислорода и просочиться в него через дыхание, раствориться... Но потом Надя включала голову и отговаривала себя от этой странной влюбленности.

От этих мыслей необъяснимой природы лучше всего отвлекал домашний труд, а именно разбор полетов и раскладывание вещей по полочкам.

Забавно, когда в тридцать с небольшим вся жизнь умещается в пять небольших коробок. Любимая пара джинсов, сундук с благовониями, настольная лампа с отделкой из лазури, стопки книг в хаотическом порядке, тетради-дневники, исписанные мелким витиеватым почерком. Надя любила вести летопись своих дней в пухлых разлинованных тетрадях с прохладной гладкой бумагой.

Она чувствовала, как в ней просыпается цыганка, как на-

чал манить кочевой образ жизни, и любое свое пристанище она теперь воспринимала как явление временное. Это удивительное умение – с легкостью менять пейзажи за окном, не успевая замусорить себя какими-то привязанностями.

Игоря, правда, Надя перевезла вместе с вещами.

Так или иначе, в тот момент, когда за Верой закрылась дверь, Надя поклялась себе, что начинает новую жизнь. И что в этой жизни будет масса удивительного, волшебного и прекрасного. И что она изо всех сил постарается научиться верить в хорошее, да и просто верить.

Начнем с того, что Надя въехала в квартиру, находящуюся в доме, где когда-то в литературном отделе Главполитпросвета при Наркомпросе работал Булгаков. Наверное, Надя сама навлекла на себя ту историю, которая с ней произошла в дальнейшем. Хотя изначально она не имела к ней никакого отношения...

Бегемот

Квартира № 41, в которой поселилась Надя, давно считалась соседями проклятой. Поговаривали, что жильцы по ночам просыпались в испарине и видели возле кухни мужской силуэт. Чаще всего после пары таких ночей владельцы квартиры вызывали священников, экстрасенсов, шаманов, бабок, спиритов, охотников за привидениями, пили по утрам святую воду или водопроводную, но заряженную серебряным маятником, а вечерами глотали успокоительное, иногда запивая для пущего эффекта игристым вином; одним словом, делали все, что угодно, лишь бы виртуозно отстранить от себя нечисть, и в конце концов выставляли квартиру на продажу.

В середине девяностых квартиру отдали за долги Надиному бывшему мужу, но тот, имея обустроенный быт за городом, сразу же сдал квартиру какому-то вертихвосту, биржевому брокеру. А чуть позже въехала писательница по имени Вера вместе и сыном от первого брака.

Как-то утром, когда Надя неторопливо принимала водные процедуры, в дверь квартиры позвонили. Открыв, она уставилась на измазанного побелкой юношу в нелепом джинсовом комбинезоне. В руках он держал небольшую подарочную коробку размером с обувную. Что-то на дне коробки не то перекатывалось, не то шуршало.

– Вы Надежда Анген? – неловко спросил он, сверяясь с сообщением в телефоне.

– Я Надежда Анген.

– Тогда это вам. – Юноша протянул коробку и, едва сдерживая гомерический хохот, выпалил: – Надеюсь, вам понравится содержимое!

– И что, даже не надо нигде расписаться? – удивилась Надя столь неофициальному подходу.

Она сунула недотепе-курьеру сто рублей в нагрудный карман, закрыла за ним дверь и уже собиралась осмотреть содержимое, как коробка открылась сама, и из нее показался крупный черный котенок с голубыми глазами.

– Черт-те что и сбоку бантик! – Надя с состраданием посмотрела на котенка и ухмыльнулась. – Прости, дорогой, но на правду не обижаются! – Выпустив его из коробки, она наблюдала, как тот с осторожностью рассматривает помещение и принюхивается.

На дне коробки Надя обнаружила записку: «Надеюсь, с ним тебе будет проще обосноваться в булгаковской Москве. Игорь».

Вот негодяй, выпотрошил ее сердце, пропал, никак не проявлялся несколько недель и, как только ей стало хоть капельку легче, неведомым образом вычислил ее адрес и отправил курьером символ всех неудач – черного кота. В душе Нади все бушевало и клокотало, целая буря эмоций обрушилась на ее разум, который был не в силах (или не в на-

строении) обрабатывать входящий запрос холодной головой. Схватив ни в чем не повинного кота, Надя выбежала в халате и с мокрой головой на улицу искать затаившегося на одной из дальних лавочек отправителя, который, по ее предположениям, должен был подсматривать из засады, не выбежит ли она из подъезда, получив посылку.

В наличии у Игоря чувства юмора Надя никогда не сомневалась.

Однако переулки были томительно пусты, а мир как будто населен бунинскими персонажами, перебирающими плоскость ногами настолько легко и воздушно, что никакого маятника напряжения Надя не учуяла.

Котенок пищал и нервничал. Когда Надя перевела на него взгляд, ею овладел стыд. Стыд не за то, что она разгуливала в одном халате по переулку, а за то, что свое негодование выместила на маленьком комочке, который уж точно не сделал ей ничего предумышленно плохого. Она присела на корточки и крепко обняла котенка, целуя его в уши и переносицу попеременно, пока тот не сменил писк на мурлыканье.

– Прости, мой маленький! Ты ни в чем не виноват! Просто у тебя теперь сумасшедшая хозяйка!

Кот получил имя Бегемот.

Вернувшись домой, Надя заметила одну странность – все часы в квартире показывали разное время: на одних была половина второго, на других – ровно четыре, а третьи остановились аккурат в полночь.

Надя, как начинающий мистик, в прошлом агностик и атеист, находила подобные игры квартиры чем-то озорным и интересным. Сумасшествие как диагноз ее не пугало, ибо она давно была убеждена, что нормальных людей в природе не существует. И если выбирать, во что верить – в корпоративный дух или в призрак отца Гамлета, Надя безусловно и безапелляционно выбирала второе. Кот, которого ей подарил на новоселье Игорь, был озорным, однако по утрам нацеплял на себя трагичное выражение морды лица и чуть стеклянным взглядом наблюдал за солнечными зайчиками на светло-бирюзовых стенах. «Ну вот, опять утро», – как будто мурлыкал он этому миру и растворялся в квартире, так что до вечера ни Надя, ни даже целая армия котоискателей не могли найти Бегемота. Видимо, кот, как, впрочем, и Надя, не любил утро.

Бегемот вообще оказался котом причудливым, не от мира сего, точнее, не от мира кошачьих. Например, при запахе валерианы он сохранял буддистское спокойствие, к водным процедурам относился недурно и даже плавал в ванне от бортика до бортика, когда опрокинул на себя банку сгущенного молока и заслужил головомойку. А как-то забрался к Наде на колени и с интересом смотрел репортаж про мюзикл «Кошки» по телевизору. Казалось, он жил согласно представлениям древних египтян, уверенный, что кошки до сих пор считаются воплощением богини плодородия Баст, почитаются как священные животные и что наказание за их

убийство – как минимум смертная казнь. Даже несмотря на то что у него, Бегемота, девять жизней в запасе.

В конце ноября, когда Надя уже, казалось, обжила на новом месте, вела нерасторопный аскетичный образ жизни, даже получив формально вежливое сообщение о грядущей помолвке (и не тронулась головой от новости), случилось событие, которое впоследствии переменяло всю ее жизнь.

Тот день ничем не отличался от предыдущего, Надя привычно налила себе высокую кружку крепкого чая, намазала соленый крекер карамелью и уселась в глубокое кресло думать о вечном. Но взгляд ее приковал стеллаж с книгами, и о вечном подозрительно не думалось.

Надю предательски раздражали хаотично расставленные книги – ей нужна была хоть какая-то система. Чтобы книги были расставлены по жанрам, по алфавиту или хотя бы по цвету корешков и размерам. Занявшись пыльной перестановкой и перманентно чихая, Надя обнаружила за книгами большой бумажный конверт с надписью «Вере Ефимовой». Конверт, плотно заклеенный и до сих пор не вскрытый. Не снимая резиновых перчаток, Надя позвонила бывшему супругу – поинтересоваться, не знает ли он контактов Веры. Получив заветный номер, она сильно разочаровалась, когда услышала в телефонной трубке: «Абонент не отвечает или временно недоступен».

Надя надеялась, что со дня на день телефон заработает, и она сможет передать конверт, который заставлял главное

женское чувство гнать кровь по жилам, а именно – будил любопытство.

Верин телефон не отвечал почти месяц. «Уже так давно выключен или находится вне зоны действия сети, странно это», – мелькало у Нади в голове. Она рыскала в интернете, пробивая Веру по базам МГТС, БТИ, и даже договорилась со знакомыми полицейскими, чтобы те проверили автомобильные базы данных. Но информация везде была одна и та же: указывался адрес, по которому теперь проживала Надя, и ее домашний телефон. Вера оказалась законопослушной и сделала регистрацию по месту временного проживания.

Время тянулось, шло, прыгало, мигало перед Надиными глазами ускоряющимся движением календарным дат.

Раз в неделю она стирала с конверта пыль, ощупывала его так, как хирург – подозрительное новообразование, чтобы понять, что там, но при этом не повредить. В конверте находилась увесистая стопка листов А4. Надя примерно прикинула, что там больше ста страниц. «Книга, что ли?» – мелькнуло у нее в голове. Открыть конверт Наде мешала приобретенная тактичность: она хранила много тайн и знала, как может быть противно, когда кто-то влезает в твою жизнь, поэтому решила не гневить судьбу и не притрагивалась к месту склейки конверта.

Иногда внутри нее просыпалась женщина с врожденным чувством любопытства, готовая разорвать упаковку в клочья, разыграв сцену «Тузик и злосчастная грелка». Дело в

том, что Надя последние месяцы жила в некотором вакууме – своей жизни у нее не было, Игорь был персоной нон грата, она даже подумывала сменить номер телефона, чтобы не знать, что он ей так и не позвонил. Несколько раз она была готова отправить ему сообщение с благодарностью за кота, но потом сразу вспоминала отель на Большой Дмитровке, бокал вина в своих дрожащих руках, его холодный взгляд, запах другой женщины и горькое послевкусие разговора, последующий душевный кризис с терпким алкоголем, непонятными связями, ночами без сна, поисками хотя бы намека, что Игорь все же ее любил. Испугался. Не поверил. Но любил. Иногда Надя начинала его оправдывать: все случилось слишком внезапно, он не успел перестроиться, просто не надо было сваливаться как снег на голову. Но потом вспоминала, что за несколько недель он ни разу не поинтересовался, как она после развода, а лишь прислал кота, о котором Надя, собственно говоря, не просила.

Впервые за много лет Надя позволила себе не выходить из дома по несколько дней – вяло решала по телефону и электронной почте рабочие вопросы, заказывала на дом еду, потчевала Бегемота крабовым мясом и яйцом, сваренным вкрутую. Пару раз даже улыбалась и мысленно прощала Игоря, понимая, как иногда затягивает чувство самодостаточности и контролируемое одиночество. Не одиночество выбирало Надю. А Надя – одиночество.

Когда зима окончательно укутала город пуховым орен-

бургским платком, она все же решилась вскрыть конверт. Бегемот составил ей компанию в столь увлекательном занятии и когтями шебуршал по тонкому картону, оставив пару следов на первых страницах рукописи, которая оказалась у Нади в руках.

Однажды Надя ехала на тридцать девятом трамвае от остановки «Яузские ворота», где располагался ее институт, до метро «Чистые пруды». Это было еще во времена «прабабушек томных», и один человек, абсолютно незнакомый и ничем не примечательный, вдруг обронил фразу: «Если ты истинна в поисках ответа на свои вопросы, то ты можешь найти его даже в трамвайном билете. Ответ так или иначе попадет тебе в руки».

Больше всего на свете Надя хотела понять мужчин и поверить в то, что любовь существует. Что это вовсе не городская легенда и не штамм опасного вирусного заболевания, вызывающего психосоматическое расстройство на фоне гормонального дисбаланса, а нечто большее, таинственное, абсолютное.

И вот в руках у Нади оказалось то, о чем она мечтала... Трамвайный билет, о котором говорил незнакомец.

Вера

Исповедь клоуна

*Когда уходят герои, на арену выходят клоуны.
Генрих Гейне*

...жизнь не стоит на месте.

...места, люди, дома, квартиры, номера, даты.

...все мы жертвы времени и перемен.

Я никогда не думал, что доживу до тридцати трех.

Думал, погибну молодым и пьяным, заступаясь за незнакомого и, возможно, виноватого человека.

Или нелепо поскользнусь на кафельной плитке в ванной и получу открытую черепно-мозговую.

А тут возраст Христа.

Единственное достижение – сын. Забрался в мой день рождения с ногами в кресло и шепотом, словно боясь, что кот или орел, изображенный на дубовом буфете, его засмеют и потом будут в темноте подтрунивать, полюбопытствовал, в чем измеряется время. Казалось бы, логичный вопрос взрослому человеку. В минутах, часах и годах? Во встреченных незнакомках и полученных впечатлениях? В том, как быстро ты любил и как долго потом изживал эту любовь из

себя?

У меня же перед глазами замелькали вывески на покосившихся и хмурых домах в переулках. Сразу вспомнились «Булочная», подходя к которой старожилы загадочно улыбаются, в мыслях произнося на старомосковский манер «булошная»; публичный дом со значком «П» на красной двери во дворах Пятницкой улицы, в нескольких кварталах от Марфо-Мариинской обители; золотые худощавые буквы на голубом четырехэтажном здании возле Крымского моста «Дипломатическая академия»... Сколько себя помню, столько существуют эти вывески и здания, как будто ничего не меняется.

Стабильность. Верность. Шелуха.

Да, это было мое время.

Особенно незыблемо увековечились у меня в памяти две вещи: золотые цифры «41» на двери квартиры, куда переехал жить мой сын, и менее броская белая надпись на стеклянной двери в безымянном переулке – «Французское кафе»; таких сотни и тысячи по миру, они не похожи друг на друга и никак не связаны между собой.

Вы когда-нибудь подслушивали разговоры за соседними столиками, тесно прижимающимися друг к другу в неловких самобытных объятиях? Изучали людей, заходящих внутрь и растворяющихся в полумраке сигаретного дыма?

Зря.

Ей чуть тридцать. Она слегка затронула этот возраст,

неспешно прикоснувшись к нему мыском ноги, случайно задев нечто спокойное и статное. Сколько ни вглядываюсь в ее лицо, не могу понять, счастлива ли она.

Смотрит. Улыбается. Молчит. Думает или просто наблюдает. Но не проявляет привычных доказательств счастья. Однако нет в ней и той печати грусти и высокомерия, которыми возраст так щедро наделил других людей.

Мы видимся раз в неделю. Ведем немногословную беседу или я просто киваю, проходя мимо нее, а она чуть поднимает уголки губ, показывая, что заметила. Часто она бывает не одна. Иногда я беру на карандаш второстепенных героев за ее столиком. Мне вообще доставляет тщеславное удовольствие записывать карикатурные фельетоны о тех, кто делил со мной воздух обычного французского кафе, наслаждаясь царящей вокруг клоунадой нравов.

Наверное, вас весьма заинтриговало, кто я. Поверьте, меня волнует тот же самый вопрос. Но у меня на поиски ответа ушли годы, а по вашей ухмылке я вижу, что вы надеетесь получить его на первой странице... Что ж, аккуратное вождение за нос – редкое удовольствие для никчемного публициста.

* * *

Шаг... Второй... На третий, самый тяжеловесный, она кладет руку мне на плечо. Я не слышал цоканья каблуков и

шелеста юбки, я лишь почувствовал, как движется воздух – как ветер разговора дует в мою сторону. И в секунду она, Вера, оказывается сидящей напротив меня. За моим, уже приватизированным за много лет сидения и посещения столиком.

На ней темно-серое платье в пол, с длинными рукавами, вязаное и мягкое. Затягиваясь, я закрываю глаза, пытаюсь сквозь сигаретный смрад помещения ощутить ее запах. Представляю ее с мокрыми волосами, в белой застиранной майке с размазанным Миком Джаггером.

– Можно? – Вера хватается за мою чашку американо, не дождавшись позволения. Все равно разрешу, знает ведь.

Делает глоток, морщится, недовольная всем – и сахаром внутри, и холодом выпитого. Она из тех людей, кто считает, что сахар портит все – фигуру, кофе, зубы, настроение.

– Следишь за мной? – Перед тем как сделать следующий глоток, она несколько раз сжимает губы в скромной и умелой попытке их облизать.

– По воле случая. – Я пожимаю плечами. Что еще остается? – Ну, уличила, уличила!

– Нравится? Расскажи, чего навислеживал. – Вера хватается хищными цепкими пальцами за мою ложку и начинает тянуть тарелку сырного супа в свою сторону.

Белесая капля супа падает ей на грудь. Еще немного, и она стечет в ложбинку.

– Так есть хочется, не могу. А этот ворон, – Вера взглядом

показывает на официанта по имени Марк (по крайней мере, так написано на бейджике), – никак не несет!

– Ешь-ешь! – Я пододвигаю к ней тарелку супа.

– Так чего выследил? Поделишься?

Выследил? Делиться? Это она вообще о чем? Я наблюдаю за каплей. Мне не до слов.

Вера пальцами проводит по моей кисти, чтобы я вернулся обратно в разговор. Я смеюсь – все это кажется мне таким наивным и глупым. Уже много лет. Скоро будет семь – как мы просто наблюдаем друг за другом.

– Прости, я задумался.

– На тему? – Кажется, она замечает свою оплошность и вот уже осматривает стол в поисках салфетки.

– На тему каплей спермы, стекающих по подбородку. – Мне остается лишь честность.

– Не жизненно! Одной каплей никогда и ничего не ограничивается.

– В старости мы будем так же умно вести себя? – интересуюсь я, как будто мне снова шестнадцать и я, накуренный, попал на «Рассекая волны» Ларса фон Триера и, не понимая трагизма происходящего, смеюсь.

– А вдруг не будет старости? – Вера говорит это с таким страхом в голосе, что меня неприятно передергивает.

– А что будет, если не старость? – Меня интересуют ее вариации апокалипсиса.

– Третья мировая война. Или эпидемия. Или ее просто не

будет. По воле случая.

– Хочешь, чтобы я умер молодым?

– Ты уже с этим опоздал. Молодость в прямом ее понимании мы оставили лет десять тому назад.

Она смотрит на свою грудь и все же замечает траекторию движения капли. Вера взглядом обходит весь столик, тянется к салфетнице и начинает исправлять приятное для меня недоразумение. Весь парадокс в том, что, сколько бы раз я ни проносил вилку мимо рта и ни орошал джинсы томатным соусом, салфеток на столе никогда не было.

...Нет, ну вот бывает же так? Когда надо – никогда не докричишься до официанта, чтобы тот подошел, еще упрасивать приходится. Подай, принеси. Он хоть упаковку чая или кофе купил на чаевые, что я ему оставляю? Нет, скотина, все пробухал! Я же знаю, как он на пару с барменом сливают ром и виски и после закрытия нажираются, а на деньги, вырученные с посетителей, снимают шаболд в соседнем задрипанном баре. Я же не сомневаюсь в их умении в силу возраста все опошлять и сводить к примитивным понятиям.

– Эй, уважаемый! Кофе принеси! – кричу, не просто повышаю голос, а именно кричу я на официанта.

– Ты что, с ума сошел? Я на минуту. У меня встреча по работе, а ты мне своей метафизикой настроение сбиваешь. Хорош уже, ладно?

Вера уходит за другой столик. Смотрит. Молчит.

– Марк, – подзываю я официанта грозным щелчком паль-

цев, – вторую чашку кофе на тот стол, счет за даму в сером платье – мне в руки. И купи уже пачку чая на те деньги, что я тебе оставляю.

– А кофе можно?

– А кофе нельзя!

Вера улыбается счету, который услужливо принесли не ей. 1:0. Вот только в чью пользу, непонятно.

Не одна... Сидит. Беседует. Поглядывает на собеседницу с умиленным презрением. Облокачивается на стеклянный стол, постоянно всматривается в часы, как будто циферблат умеет творить чудеса. Хотя вдруг умеет? Кто его, циферблат, разберет.

Пухлая женщина лет шестидесяти с откровенной проседью курит одну за одной тонкие сигареты. Накидывает вязаную кружевную шаль. Пошло и шаблонно. Она как антипод Веры – некто, кем Вера никогда, к ее счастью, не сможет стать. Она и в шестьдесят будет худой и вряд ли седой.

Я прислушиваюсь к их разговору.

– Вера! Ты мне нравишься, но, господи, сколько же в тебе этой жеманности! Ты будь попроще. Все эти тексты... – Женщина нарочито шелестит распечатками. – Люди их не понимают... Тиражи упали в шесть раз за прошедшие восемь лет.

– Вы хотите сказать, что я исписалась? Что мне нечего сказать этому миру? – Вера мигмом переходит на холодный безразличный тон.

– Сказать есть что, но вот форма... Не соответствует она

содержанию... Я прекрасно понимала, когда ты решила писать детские книжки, думала, что у тебя получится. Но твой конек – эротика. Ты по своей природе самка, а не добродушная фея, рассказывающая детям сказки. Одумайся, пока все не потеряла.

– А мне есть что терять?

– Читателей, деньги, время, надежду, наслаждение.

Вере всегда тяжело терпеть унижения с женского фронта. Мужские – да, женские – ни при каких условиях. Ощущение женской власти всегда возвращает Веру в детство.

Детство... Из всех папок эта была самая тяжелая в воспоминаниях – и по весу, и по целесообразности.

Мы любим обозревать те границы, которые не хотим преступать.

Сэмюэл Джонсон

Увидев, что место за Вериным столиком вакантно, я перемещаюсь, руководствуясь принципом, что свято место пустовать не обязано.

– Даже не вздумай! – Вера кидает на меня, будто дротик, взгляд озлобленной волчицы, даже сами глаза налились миндальным холодком. – Из меня редактор все соки выпила. Да и ты к тому же...

Я пересаживаюсь за барную стойку. Солнце забивается в свою ночную конуру, отдавая бразды правления людскими пороками вечеру. Сегодня понедельник, и я пью. Правильнее сказать, что выпиваю, ибо алкоголиком никогда не слыл, но

слово «выпивать» кажется мне чем-то ирреально голословным.

Пью так пью.

– Мне сто. И колу.

– Лед, лимон отдельно? – Бармен по имени Арсен прекрасно знает, как развиваются питейные события в этом городе. Он в курсе, сколько, чего и когда хватит. Его никогда никто не слушает. Вообще верные умозаключения всегда имеют очень ограниченную целевую аудиторию.

Я мысленно пересчитываю окурки в пепельнице и, как последний подонок, подслушиваю телефонную беседу за соседним столиком. Верину, естественно.

– Знаешь, я сегодня поняла, какой порок из юности я не могу никак оставить в прошлом... Мысль, что все обойдется. Что наутро будет изобретено решение всех проблем. А они все накапливаются. Мне все время казалось, что я еще смогу показать всему миру... Но сегодня я поняла, что мне нечего показывать... Не-че-го, – шепчет она в телефонную трубку.

Кажется, что сейчас заплачет, но нет – Вера никогда не доставит удовольствия публике видеть свои слезы. Она зареклась. И я тому виной. В свое, далекое от настоящего время.

Где-то там, в одной из прошлых жизней, мне доставляло скотское удовольствие доводить женщин до слез. Видеть, насколько искренними они могут быть в моменты всеразрушающей и уничтожающей печали. Как подергиваются ве-

ки, раздуваются ноздри, колышатся в мелкой дрожи скулы. Как из последних сил они сдерживают себя, подобно детям, готовым вот-вот описаться на школьном уроке. И потом... Всплеск, конечная точка, пик, вершина, и вот оно – наслаждение, выпустить из себя весь этот гнев, обиду. В полном исступлении отдаться слабости слез. Вывать к жалости. Только чтобы стало легче, чтобы хоть на минуту отпустил этот болезненный дурман. А потом стыд, унижение, сожаление, что дала слабину. Но женщина в слезах – это верх эротизма и вседозволенности тела, кажется, что каждая ее частичка дышит одной мыслью: избавь меня от этого мелочного кошмара, вытри мои слезы, слижи их, а потом выкинь всю одежду, на которой остались молекулы слез и их первобытного отчаяния. И в этой эмоциональной открытости они жаждут секса как последней и единственной близости, способной отвлечь их от сумрачной действительности, где есть боль.

Слезы заставляют желать наслаждения еще больше, чем азарт, адреналин, страх. Близость. Слезы на подушке. Слезы во время оргазма. Слезы во время прелюдии. Влажные женские щеки, касающиеся пениса и вытирающие слезы где-то в нижней части живота. А потом снова... Стыд, обиды, унижение.

Да, когда-то я часто доводил Веру до слез. Уже семь лет для меня это невозможно, недопустимо, недозволенно. Только смотреть, наблюдать, иногда говорить с ней, когда

она пересаживается за мой стол. Никаких слез. Никакой близости.

Вы уверены, что я один из тех скотов, кто живет насилуем над чужими чувствами? Что вы... Нет, все люди иногда совершают ошибки. И за них приходится платить. Однако наблюдение за жизнью Веры и дает мне право думать, что именно благодаря мне она сейчас счастлива.

Вера все еще держит телефон возле уха, прислоняет так сильно и нежно, что становится не по себе. Закуривает.

– Нет, что ты, не курю. Просто воздух выдыхаю, – говорит она невесомому для этого помещения собеседнику.

Вера не смотрит в мою сторону. Это минус мобильной связи. Отвлекает от основного.

– Да, рядом с домом. Зашла кофе выпить... Да, холодно... Да нет... Зачем?.. Скоро?..

Спустя минут пятнадцать в зале появляется мужчина. В сером твидовом пальто, в черной рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами. Ему за тридцать, и он скорее этим гордится, нежели скрывает.

Деловитый Выхухоль садится за соседний с Верой стол. Я остаюсь не при делах.

Наблюдатель на заднем плане. Первые минуты я пытаюсь понять, кто же из нас с ним большой клоун.

Вера и мужчина в черной рубашке смотрят друг на друга с открытым вождением, забывая, что вокруг есть люди, что они могут кого-то раздражать, вызывать зависть или непри-

крытую неприязнь.

Она полностью копирует его жесты. Открыть меню. Налить из чайника яблочный чай в чашку. Закурить. Затянуться. Выдохнуть. Потереть пальцами переносицу.

– У вас не будет зажигалки? – Он поднимается и подходит к Вере со спины, кладет подбородок ей на плечо. Лево́й рукой проводит от основания шеи до локтя.

– Во второй раз объясняю, я не курю, – устало выдохнув сигаретный дым, отвечает Вера в сторону зажженной сигареты на соседнем столике. Они оба в руках покручивают зажигалки. Именно эти действия и доказывают, что события в этом месте – не больше чем фарс, обычная клоунада.

– Привет! – Выхухоль целует ее в щеку.

– Привет! – Она отвечает еще более долгим поцелуем в его гладко выбритую щеку. Проводит по ней кончиками пальцев, повторяет это «Привет», делает все это раз десять, может, и того больше.

Бармен оборачивается в мою сторону, видимо, решая как-то сгладить впечатление обо мне окружающих. Многих из них смущает прямолинейность моего взгляда. Я же не боюсь ни ссор, ни пересудов, ни тем более мнения быдла, именуемого обществом, и если меня что-то интересует – могу уставиться и сидеть как истукан. Ровно столько, сколько меня будет завораживать зрелище.

– Они же вроде только что познакомились... – недоумевает бармен.

– Ну да, – мычу я ему, не переставая прислушиваться и едва сдерживая сардонический хохот.

– А вам никогда не говорили, что курение вредно? Если не для вас, то для окружающих. – Выхухоль в черной рубашке берет в руки пачку Davidoff (я же говорю, что он типичный выхухоль). – Вот, написано же, является причиной преждевременной смерти.

– А вы видели хоть одного человека, который стал бы меньше курить из-за надписи на сигаретной пачке, пусть даже процитированной чуть хриплым баритоном, я уж не говорю про бросил... – Вера не упускает ни единой возможности подвинуться к нему ближе. Любым сказанным словом она сокращает дистанцию между ними.

– А вам никто не говорил, что вы самая красивая женщина из тех, что я видел? – Выхухоль, посмеиваясь, застегивает пуговицу на рубашке. Одну из тех, что Вера умудрилась практически вырвать с корнем во время их пламенного приветствия.

– А вам никогда не говорили, что вы, к слову, женаты? – Вера наливает себе, наверное, четвертую по счету чашку чая.

– Говорили. Но надо заметить, вы тоже капельку замужем!

– И люблю!

– Кого? Меня?

– Мужа своего! – Вера ставит ногу на его стул и начинает тешить свое самолюбие тем, что я все это вижу.

Самое страшное испытание для любого мужчины – осо-

Знать, что его женщина счастлива с другим. Мы начинаем искать множество доводов, оборачивающих ситуацию в нашу пользу. Что обиженные самки делают это из мести. На, посмотри, что ты потерял. Сколько же заблудших душ греется этой мыслью, не понимая, что именно с нее начинается тропа феминизма, инакомыслия, впоследствии лесбийских (только не думайте, что я что-то имею против) игр и корпоративной культуры. Так и я. Привык верить, что Вера просто мне мстит, потому что столько лет любила и нехило натерпелась, а сейчас просто играет, но потом ее садомазохистская природа заставит вернуться за новой порцией боли. Отчаяния. Унижения. А вдруг она счастлива? Вдруг любит? Вдруг обращается со мной как с ничтожеством просто от скуки? Как понять? Задать вопрос. Конечно, десять раз она мне на него ответит и еще напишет краткий конспект и пять диссертаций на тему женской психологии.

Выхухоль настолько опрятно счастлив, что становится мерзко. Так и хочется отсканировать его и поместить на пару столбов в виде рекламы мужского одеколona. А потом тайком пробраться ночью и аэрозолем пририсовать фаллос.

Вера целует его в обручальное кольцо, в каждый из пальцев.

Выхухоль просит счет, они поспешно, как будто в аэропорту при надписи final call, собираются, он помогает ей надеть пончо, напоминает взять телефон, открывает ей двери... Хлопок. Повеяло рождественским холодом. Чувствую

себя пятилетним ребенком, умным, смышленным, но, к собственному сожалению, уже имеющим представление, что Дед Мороз покоится на одной полке с остальными радужными мифами.

– Марк! – кричу я. – Считаю давай, и побыстрее! Мне бежать надо...

Проходит минута. Я все жду, что если не Марк, то хоть бармен сжалится надо мной и сам рассчитает, но тот и не чешется. В итоге кладу примерное количество денег по счету, докидываю пару купюр для гарантии и ухожу. Проклятые официанты.

Со скоростью заинтересованного школьника я влетаю в подъезд, проникаю в квартиру одним рывком, не повернись так быстро ключ в замочной скважине, я выдрал бы сам замок с корнем, потом выбил бы дверь ногой. Но нет, сегодня не было повода для подобного иезуитства. Не снимая ботинок, устремляюсь к окну.

Мы с Верой живем окна в окна уже почти шесть лет. В маленьких, узких и потому неторопливо увядающих переулках дома часто строили аккурат напротив друг друга. Иногда она поглядывает в мою сторону, но как-то бегло, как будто скользит взглядом по окнам, чтобы узреть забавный факт чужого времяпрепровождения, но и его не находит.

Помню, как я увидел Веру, когда она только готовилась въехать... Она затеяла косметический ремонт, договорившись с владельцем квартиры. С окон пропали шторы от

предыдущего жильца, все стены внутри облачились в белесую штукатурку, и квартира наполнилась семейством таджиков.

Она приезжала проверять работу. Просила таджиков покинуть помещение на время. Ходила по квартире с огромными папками вырезок, прикладывала их к окнам. Сидя с ногами на подоконнике, разговаривала по телефону... Разворачивала рулоны ткани и обивала кресла... И, что показалось мне наиболее странным, мастурбировала, находясь одна в квартире, куда еще даже вещи от меня не перевезла.

Я закуриваю. Как иначе скоротать время. Сквозь Верино окно видно, как в прихожей зажигается свет, еще немного – и они зайдут в комнату. Ну же... Ждать, терпеть, зависеть... что там еще из глаголистого?

Вера появляется в комнате спустя полминуты. Одна. Подходит к окну, открывает одну створку и дышит холодным воздухом центра города. Вряд ли случайно она забывает задвинуть гардины...

Выхухоль расстегивает ремень. Он делает это столь аккуратно, что кажется, еще минута и он, как порядочный пенсионер, сложит самостоятельно снятую одежду в ровные стопочки и отнесет в гардеробную, затем уляжется под одеяло, демонстративно разгладив его ладонями, и захрапит, расположившись на кровати, как Ленин в Мавзолее.

Но нет, ремнем дело не ограничивается. Более того, вопреки моим ожиданиям положить его на диван, он вытяги-

вает ремень во всю длину, проверяет упругость, вдвое сворачивает. Шлепок.

Выхухоль шлепает ее раз или два, не задирая платья. Потом левой рукой берет пряжку и всовывает в нее обратный конец только что изобретенной плетки. Образовавшийся поводок мигом оказывается на Вериной шее... Она извивается так, как хочет Выхухоль. Он разворачивает ее, опускает на колени, она принимается расстегивать пуговицы на его рубашке, затем проводить ногтями по животу, оставляя тонкие ярко-розовые царапины, и слизывает выступающие капли крови...

Когда она поднимается, то уже абсолютно нага... Ее тело кажется загорелым по сравнению с его, на смуглой коже отражаются фонарные огни. Она садится на подоконник – ко мне спиной и понятное дело, к кому лицом... Он силой раздвигает ее ноги практически на сто восемьдесят градусов – и держит их, не позволяя ей вернуться в исходное положение... Кажется, еще немного – и Вера закричит от боли... Но я не услышу... Я чувствую, как прострел натянутых сухожилий переходит в первозданное наслаждение... Получать наслаждение от боли – невесомый дар, которым награждаются только избранные, способные оценить любовь во всех ее проявлениях, включая боль... И как сюда вписывается запах ванили? Тоже мне маскарад.

Выхухоль рывком отпускает ее ноги, скидывая на пол размазанное от усталости и возбуждения тело. Через какие-то

три минуты они спокойно курят, сидя на подоконнике... Я знаю, что это не конец... Что так просто все это не закончится. Выхухоль начинает ее целовать – сначала нос, потом глаза, губы. Она поеживается. Растрепанные волосы закрывают лопатки, лицо, щекочут шею. Несколько раз Вера впивается в Выхухоля со звериным оскалом – то ли кусая, то ли целуя, то ли все сразу.

Вера ждет продолжения и всячески подогревает интерес. Чуть отходит от окна, чтобы взять со стола пачку – закуривает вторую по счету сигарету, усаживается на подоконник, на этот раз стыдливо прикрывшись полотенцем. Непонятно откуда у нее в руках оказывается повязка, которая моментально переселяется на глаза Выхухоля. Она целует его в темечко, все более озлобленно, что ли, терпко, и ее тонкие пальцы перебирают его мокрые от соития волосы. В какой-то момент Вера замечает меня, открывает на полную окно, высовывает кулак и четким движением вместо среднего показывает безымянный палец с обручальным кольцом. С ехидной улыбкой плотно зашторивает окна, оставляя меня наедине с любопытством.

А ее муж, обозначенный кольцом на безымянном пальце, получает очередную порцию порева.

По телевизору маячит дешевый клип, и по ушам долбит попсовый текст: «Are you ready to play the game, ready to lose it all! Show, you want to play...»

Готов я. Готов.

*Прошлое – родина души человека.
Иногда нами овладевает тоска по чувствам,
которые мы некогда испытывали.
Даже тоска по бывлой скорби.
Генрих Гейне*

За что Вера мне мстит? Если брать из необратимого, то за смерть своего отца...

Вериному отцу часто казалось, что мир – это как картонная коробка с новорожденными слепыми щенками с мокрыми пошмыгивающими носами, и Веру он воспринимал не более чем щенком с затекшими глазами. Он не имел моральной силы поднять ей веки и приоткрыть створку в реальный мир. Или боялся и потому предоставил эти часы грехопадения мне.

Отец Веры чуть не дотянул до пенсионного возраста. Лет десять назад он должен был начать переживать кризис среднего возраста, боязнь простатита и экстренную смену направлений трудовой активности. Но, как ни странно, он клал с прибором на все рассуждения о последней стадии жизни под проклятым лозунгом «Переосмысление». Женщин в жизни Игоря Вениаминовича (далее просто И.В.) значилось много. Чтобы подсчитать точное количество, нужно или получить специальность звездочета, или иметь кандидатскую степень по квантовой физике.

Однажды Вера застала его дома со своей школьной подружкой – едва разбежавшись по институтам. Выходные с мате-

рю в Париже оказались непосильной ношей, и она вернулась домой раньше времени, в привычное болото хаоса шумного города.

Игорь Вениаминович никогда не утруждал себя поднятием телефонных трубок, особенно в выходные дни. Эта задача была чересчур тяжела, учитывая, что по его квартире расхаживала студентка, грудь которой острыми сосками пробивалась сквозь нейлон белой кофточки. Нет, не эдакая Лолита с молочным коктейлем, вишенками и носочками. И.В. давно позабыл подобного рода идеалы, еще в юношеском возрасте достаточно подрочив на подобный шарман.

Настя была неким почти утерянным идеалом студентки восьмидесятых – обязательно лосины, не то туника, не то платье, броские сумки и пластиковые клипсы. Она сочетала в себе молодость саму по себе и воспоминания о его молодости. *Double penetration in past perfect continuous*. Двойное проникновение в идеальное прошлое.

Когда Вера вошла в квартиру и увидела чьи-то балетки в прихожей, то была уверена, что это очередная московская девица, перепившая на презентации халявного бухла и по глупости и неопытности попутным ветром занесенная в спальню отца. Подруги встретились на входе-выходе из сортира. Вера помыла руки и собиралась идти на кухню есть очередные заказанные роллы трехдневной давности, Настя – смыть с себя последствия секса.

Вера улыбнулась и показала ей, где полотенца. Так было

надо. Так было просто необходимо поступить в силу воспитания.

– Спасибо, я знаю, каким полотенцем можно вытереться.

– Значит, не в первый раз! – Вера расплылась в своей надменной улыбке, подобно сливочному маслу на горячей сковородке.

Настя кивнула, сознаваясь подруге, что не в первый раз намыливает голову ее шампунем.

– Смотри не влюбись, пытайся его на себе женить – полный бесполезняк. Знаешь, сколько было телок, рыдающих в телефонную трубку и осаждающих тоскливой ересью его мыло. Посмотри, – Вера показала на небольшую корзину в ванной. – Думаешь, это мое?

Настя приоткрыла крышку плетеной корзины и увидела полный набор женского белья, сережек, браслетов, бус, противозачаточных таблеток, даже ключей и резинок для волос...

– Это все вещи его женщин?

– Ага. За последние пару месяцев накопилось.

– Круто! Можно я посмотрю? Я, кажется, сережку забыла в прошлом месяце...

Сережку Настя, естественно, так и не нашла.

Еще в детстве Вера иногда запускала руки в ящик забытых другими женщинами вещей – брала, например, понравившийся шарф, стирала и донашивала. Сказать, что у нее не хватало денег на шарф – нет, хватало. Просто донашивать

было интереснее.

Тем более у Веры не было ни братьев, ни сестер, и никто с ней свитерами не делился.

– Насть, ты с кем там треплешься? – крикнул отец из комнаты.

– С твоей дочерью.

И.В. рассмеялся.

– Тогда, думаю, мне лучше одеться и только потом выйти из комнаты, впрочем, как и тебе.

Любой другой отец, наверное, долго оправдывался бы, извинялся, чувствовал неловкость.

Но не И.В.

Любая другая дочь, наверное, переживала бы, перестала разговаривать с подругой и ушла из дома, хлопнув дверью.

Вера же обрадовалась. Ей настолько льстил успех отца среди сверстниц, что она с радостью выбежала из дома в соседнее кафе, оставив им еще несколько часов наедине в качестве бонуса.

Когда в самом начале нашего с Верой общения я поинтересовался, в какой семье она выросла, она, не думая, ответила, что в самой ни на есть идеальной.

Через пару месяцев после вышеописанного случая И.В. решил снять Вере квартиру. Видимо, Настя насплетничала, и Вериних приятельниц, читающих его блог и заезжающих к нему «чайку попить» в три часа ночи, значительно прибавилось. Первое время И.В. оплачивал аренду полностью, по-

том только пятьдесят процентов и в конце концов стал лишь иногда засовывать в сахарницу стоевровые купюры, отшучиваясь, что платит Вере за тех подруг, которым она его распиарила.

И.В. был известным скандальным журналистом и занимал должность главного редактора крупнейшего печатного издания в стране. Одним из первых он начал вести блог в интернете, где, не стесняясь в выражениях, хаял правительство, народных артистов и рубил правду-матку острым словцом. Многим было стыдно показываться с его газетой на людях, но никто не мог отказать себе в удовольствии, заперевшись в сортире, гоготать над колонкой И.В. Но ровно так же никто из читающих его блог или знающих его в жизни не мог не поддаться порочному соблазну пустить про И.В. грязную сплетню, обнародовав пару имен его очередных любовниц.

Как бы ныне обозвали, именитый блогер, человек, живущий в Сети и бухающий по жизни, он всегда был открыт для общения и не стеснялся получать от жизни все. Тем более что его социальное положение позволяло многое из этого брать на халяву. Он был абсолютно не скован обязательствами, кредитами, долгами или обещаниями. Вера к тому времени уже выросла. Многие думали, что такой образ жизни И.В. – бегство от одиночества. Это заблуждение, он на самом деле таким был. И оставался бы по сей день, если бы вовремя начал лечиться и заменил алкоголь медикаментами.

Еще лет семь назад он был здоров как бык, безмерно при-

тягательно циничен и хорош собой – продолговатое сухощавое лицо, волосы чуть ли не до плеч с изредка пробивающейся сединой, которая лишь добавляла ему кобелиной харизмы, ни единого намека на ожирение. Безумно аппетитно и красиво курил, носил очки и часы на правой руке, никаких галстуков и костюмов. Он считал последнее одеждой для похорон и свадеб, что в общем-то ставил в одну линейку.

И.В. умер, отвечая на сообщение. В Сети. Онлайн. В тот момент мы поняли, что жизнь онлайн – это банально, а вот смерть онлайн – это нечто, говорящее, что наших начали удалять в жизненный аут. Вера даже хотела на его надгробии написать: «Первый человек, который скончался в Сети...»

Грустно. Что еще тут можно сказать.

* * *

И.В. считал, что мало кто достоин Веры. А она первое время думала, что он просто не знает свою дочь. Ну, или не разбирается в людях.

В случае И.В. – Чарльз Буковски, Джек Керуак, Генри Миллер в подпольном переводе, возможно, даже Том Уэйтс и Леонард Коэн сделали его таким, какой он есть. Точнее, каким он был.

В Верином – Radiohead, Oasis, Стивен Фрай, Роман Полански с его «Горькой луной», Джонни Депп и кашемировый аромат чужой трубки по соседству. Хотя нет, после

Radiohead и перед Oasis я все же поставлю по некоторым причинам свои инициалы.

И.В. пытался набить мне морду около десяти раз. Мне понадобилось пять лет и столько же галлонов односолодового виски, чтобы хоть как-то найти с ним общий язык. Условием наших псевдодобродушных отношений было то, что я поклялся никогда не причинять Вере душевной боли, даже если она сама об этом попросит. И собирался исполнить эту клятву, но И.В. сделал мне подарок – он умер. Письмо, что его добило, как оказалось потом, было даже не комментарием в блоге, а ответом на сообщение в «Одноклассниках». Если вдуматься – это одна из самых позорных кончин, о которых мне довелось слышать.

Для Москвы И.В. так и останется в смутных воспоминаниях обычным стареющим альфа-осеменителем, не забывающим вовремя высунуть.

Я не знаю ни одного человека (тем более живого), кем он мог бы открыто восторгаться, кроме Джимми Хендрикса и Ника Кейва. Этот пресловутый снобизм и аукнулся ему каюком на клавиатуре ноутбука и навсегда отпечатавшимися клавишами на который день небритой щеке.

Единственное, что вызывало мое безмерное уважение, – И.В. никогда не пытался переделать Веру. Оградить от сомнительных персонажей – да, но лезть в душу и коверкать ее взгляды – никогда.

Он спокойно, чаще даже с улыбкой, воспринимал то, что

Вера могла подраться на парковке или проснуться в незнакомой постели, даже женской. Хотя Вера была крайне ленива до экспериментов...

Лень – еще одна из бонусных программ капитализма.

Не знаю, по мне так если бы не лень, то любой человек мог бы стать президентом.

Только зачем? Что интересного в управлении собачьей сворой голодающих и хающих, в сведении балансов наворованного и выворованного? Такая скукота.

Устраивать драки на парковке намного интереснее.

С детства И.В. учил Веру только одному – избегать политкорректности. Тебя обложил учитель в школе – посылаешь по матушке и идешь дальше.

Он скорее оторвал бы ей голову за то, что пропустила обиду мимо ушей, чем за то, что запустила в химичку пробиркой с серной кислотой.

Поскольку Вера переехала к отцу только лет в одиннадцать, школ она сменила не так много – пять или шесть.

И.В. выбирал ей классных руководительниц по размеру груди и плотности задницы, что называл адекватностью, и даже трижды имел их под лозунгом, что «от недотраха у нас в стране злые учителя». Если что, я сейчас цитирую И.В.

Забавно, но после этих его попыток улучшить состояние образования в стране Вере все равно приходилось менять учебные заведения.

Друзья у Веры остались еще со времен первого, с углуб-

ленными изучениями и прочей плебейской байдой, в котором она проучилась первые шесть классов.

Однако вспоминала она именно то время, что жила с отцом, а не обычную и правильную жизнь до – обучение в гимназии, все по расписанию, овсянка, хлопья и даже йогурты.

Верина мать заботилась о том, чтобы она правильно питалась, однако гастрит уходить отказывался. Когда же в холодильнике у отца Вера нашла пельмени, острые деликатесы недельной давности из только что открывшегося тогда «Седьмого континента» и японскую лапшу, заказанную или взятую с собой из ресторана «Камадо» на Комсомольском проспекте, она поняла, что кулинарный рай – понятие относительное и достаточно субъективное. Вместо обычного кефира с отрубями Вера начала по утрам пить кока-колу и о гастрите с одиннадцати лет не вспоминала.

И.В. первым разделил с Верой сигарету. Он был за легализацию всех пороков и желаний – так проще и честнее.

Он всегда курил. Многие думали, что он и родился с папирозой во рту. Когда бывшая и единственная жена И.В. уехала во Францию (откуда по непонятным причинам очень скоро перебралась в Литву) и Вера с баулом учебников переехала в его холостяцкую берлогу, он клялся и божился (скрестив пальцы на руках и, возможно, даже на ногах, жизнь научила меня не отрицать ничего, чем и довольствуюсь), что никто и никогда больше не увидит ни пепла, ни дыма. Ни даже огня.

Спустя неделю сигарету в дом принесла Вера.

Накануне вечером она выкрала из кармана вельветового пиджака прохожего целую пачку Marlboro Lights в мягкой упаковке. Сначала думала попробовать покурить вместе с остальными сверстниками, но боялась прослыть лохушкой (как и все нормальные дети) и решила провернуть свое грязное и дымное дельце тайком дома, пока отец на работе. Однако в те времена И.В. уже мог позволить себе по большей части трудиться, не поднимая зад с дивана, положив пепельницу на грудь, а крупногабаритный ноутбук – в паховую область.

– Пап, я хочу научиться курить. Попробовать. Лучше тебя в этом никого нет. – С такими словами Вера ворвалась к отцу в комнату. Он еле успел захлопнуть крышку ноутбука, где комментировал занимательное виртуозное порно.

– Ну, это должно было когда-то случиться, – устало констатировал факт И.В. – Первая сигарета – это все же не первая менструация. Так что мне тут советы давать проще.

– Ты же понимаешь, что я могу это сделать при тебе, а могу за углом с гопотой первой попавшейся, какой вариант тебе больше нравится?

– Не надо агитировать меня за советскую власть. Хочешь затануться и поблевать – валяй.

Вера протянула отцу пачку знакомых сигарет.

Блок такого же Marlboro И.В. недавно привез из Бельгии.

Прошло много лет. И.В. с Верой уже давно не жили в одной квартире. И более того, созванивались далеко не каждую неделю. Иногда я читал его блог и оттуда узнавал, как протекала его жизнь, особо интересные моменты отправлял цитатами Вере по почте.

Вера, в отличие от отца, никогда не вела дневников, блогов, как-то на пару недель зарегистрировалась в твиттере, но и оттуда удалилась, чертыхаясь, крестясь и падая.

И.В. же мог по «синему делу» выложить список женщин, забегавших к нему на чаек в последнюю неделю, или обосраться какого-нибудь политика. Он вообще много чего мог и мало в чем себя стеснял.

Однажды утром его блог был удален из Сети. А еще спустя пару недель мы встретились в мрачном пабе.

– Здорово, поц! – рывкнул он в мою сторону, но пересел за мой столик. Просил с ним выпить. Сильно просил. Еще немного и в стадии уговоров возник бы стандартный ход из серии «А ты меня уважаешь?». А я сам не знал, уважаю я его или нет.

Пришлось согласиться. На свой страх, риск и обиду печени.

– А что случилось? Пытаюсь почитать очередные плоды вашего злословия и не могу этого сделать. Удален – говорит

браузер.

– Я скоро сдохну и не хочу, чтобы все, что после меня осталось – адрес в интернете с, как ты правильно выразился, полной злословия херней. – Он был трезвый, угрюмый и не шутил и не пошлил уже в двух предложениях. На него это мало походило.

– Тяжелые выходные? – спросил я, зная, что всякое случается.

– Да какие выходные – я по-ды-хаю, понимаешь?

– Ну, Вера говорит, что вы грозитесь копыта откинуть сколько она себя помнит. Что на этот раз? – не воспринял я поначалу всерьез его слова.

– Рак печени, – с досадой «срыгнул» он свой диагноз.

– Да, – протянул я, долго подбирая нужные слова, – действительно херня.

– Вот и я о том же! Я уже не просто старый хрен, я подыхающий старый хрен, – прохрипел И.В.

– Вам пить-то можно?

– Не знаю и даже интересоваться не буду. Я пить не перестану. На хера теперь-то? Печень не почка. Резервной нет. Да и болт с ней, в общем-то.

– А работать продолжите? – почему-то заволновался я. Что будет, если И.В. останется за бортом любимой лодки?

– Я, конечно, подыхающий старый хрен, но не хрен без амбиций, – прохрипел он, потом похрустел шейными позвонками, покачивая головой. – Пойду отвешу люлей этому

несносному за вертушками.

«Этого горбатого и могила оставит без изменений», – подумалось мне.

Конфликт достаточно быстро набирал оборот, и вскоре я уже выдираю из рук вериноного отца поднос, которым он намеревался отхреначить диджея, сообщая во враждебной форме об отсутствии у того музыкального вкуса.

Вера могла приползти домой пьяной, укуренной, могла приволочь целую орду скинхедов (это, кстати, наверное, единственное, чего она так и не натворила) – только не приносить домой диски Бритни Спирс и других толстожопых провинциалок.

– Добротный же кавер, – оправдывал свой музыкальный выбор человек за пультом.

– А ну выключи эти чужеземные завывания и поставь Барри Уайта! Последний раз по хорошему прошу. – И.В. грозился выдернуть провода, сжав их в кулаке.

Чтобы иметь возможность и дальше посещать этот бар, мне пришлось оттащить И.В. в сторону алкоголя.

– Вера – единственный отчетливый след в моей биографии. «Оставил после себя дочь». До этого оставил жену, собаку, кучу любовниц, мусор на лестничной клетке. Вместо того чтобы вынести, – разоткровенничался он после того, как опрокинул в себя сто граммов односолодового виски.

– Слушайте, может, вам врачей каких найти? У меня же дед в министерстве работал.

– В министерстве добрых дел, что ли? – с выражением лица добропорядочного циника ерничал И.В.

– Да нет. Здравоохранения. Может, еще рано ставить на себе крест? Вы нам нужны! – Я сам понимал, что этот ванильный вздор – даже не белая, а серо-буро-малиновая горячка.

– Еще скажи, что нашей стране нужен. – И.В. осушил бутылку и словил приступ подростковой дерзости. – Меня каким-то раком не пробьешь. И кстати, если ты хоть раз еще опустишься до бабской жалости, вот этим ножом, – схватил он прибор у разделяющего стейк соседа по стойке, – отрежу тебе бубенцы, или чего там у тебя ценное есть из органов?

– Да ни черта ценного, – отозвался я о своем душевном богатстве и физическом благосостоянии. – Вера знает?

– А должна? – И.В. закатал рукава, судя по виду, никогда не глаженной рубашки цвета спелой вишни.

Я только открыл рот, чтобы высказать свое недоумение, как в зал, где мы сидели, прошмыгнули две размалеванные малолетки. Им было около двадцати. Хотя кто теперь знает реальный возраст. Вся косметическая продукция мира призвана равнять всех под гребенку двадцатипятилетних: школьниц, у которых молоко на губах не обсохло, дам за сорок с привкусом плесени и инъекций, тайцев, не определившихся, в какой уборной справлять нужду – М или Ж.

Одна из этих прошмандовок по-свойски подкатила к И.В. и начала с ним брататься и лобызаться, словно они были

школьными приятелями. Завидев недоумение, которое на самом деле являлось безразличием, на его лице, тут же принялась перечислять светские события, где они выпивали. И покатасть он ее на метро обещал, и отыметь на покато́й крыше панельной пятиэтажки, и звезду с Кремлевской башни украсть.

И.В. ничего из этого не помнил. Или настолько смутно, что стеснялся дать понять об этом. Видно было, что он хочет побыстрее избавить меня от клоунады, устроенной сильно выпившей прошмандовкой. Подруга ее тоже зря времени не теряла, поставила свою аляповатую сумку в блестяшках мне на колени и принялась крутиться юлой вокруг меня, пританцовывая.

– Чего нового, рассказывай! – услышал я, как малолетка пытается клешнями впиться в И.В.

– Да так, помаленечку! Рак у меня. Ты, кстати, зря из моего бокала пьешь, несколько ученых из Кореи выдвинули теорию, что онкология имеет вирусную природу, так что смотри не кашляй! – ответил И.В. и стал наблюдать за паникой на их лицах.

Спустя несколько секунд их как ветром сдуло.

– И все-таки, вы Вере о происходящем сказать не хотите? Мне кажется, что единственная дочь имеет право на подобного рода информацию. – Мне до конца не верилось, что И.В. – настолько конченный идеалист.

– А надо, да? Я просто не знаю, как о таких вещах сооб-

щается. Может, ну его. Меньше знает – крепче спит. А там все само как-нибудь рассосется.

– Но вы осознаете, как сложно мне дастся это молчание? Вы представляете, что будет, когда она поймет, что я долгое время знал, но ничего не сказал? Вы уж на свой рак и риск скажите.

– Поц, – снова игнорировал он наличие у меня имени, – ты просто не догоняешь, ну не хочу я сидеть лысым и немощным на больничной койке, взывая к жалости. Я хочу дожить эту сраную жизнь так, как привык, и ничего не менять. Это и будет мой вызов онкологии.

– Но ведь еще можно что-то сделать? В конце концов, в Израиле и не такое лечат! – взывал я к здравому смыслу.

– Ну выиграю я пару лет, лысый, худой и в обоссанных штанах на инвалидном кресле. Вере от этого лучше будет? – пытался объяснить, почему хочет утаить информацию И.В. – Она же не дура, будет понимать, что это не гонорейя и мне аллес. Только в депрессию скатится и начнет рыдать у моей палаты. Ну нахер.

– В душе не знаю, как молчать. Рано или поздно все же откроется? – покрылся я испариной. – И она будет винить меня, что не дал ей заставить вас лечиться.

– А тебе себя, что ли, поц, опять жалко? Ты о Вере подумал? Как для нее лучше?

– Да я о вас думаю, старый мудвин! – Мне было двадцать четыре или двадцать пять, и я мало понимал, как ведутся

подобного рода беседы.

Тогда я получил по морде от И.В. в десятый и последний раз в жизни.

*Когда порок грандиозен,
он меньше возмущает.*

Генрих Гейне

И.В., несмотря на все мои уговоры, так и не стал лечиться. Я пару раз сталкивался с ним в местах, удаленных от шумных проспектов, забытых богом, дьяволом и санинспекцией, вроде темных захолустных баров с ценами по сто рублей за пинту пива. Сейчас в центре таких уже не сыскать. Да и нет настроения на подобные поиски.

В те времена у нас в фаворе значился безымянный бар в подвале старого театра. На бульваре. Там собиралась странная публика. Она называла себя интеллигенцией, но походила на обычных фриков и неформалов, которые тусуются на старом Арбате. Джинсы из секонд-хенда, разодранная майка с потрескавшимся изображением Цоя, длинные сальные волосы, стянутые на затылке резинкой, – так выглядел первый замеченный мной обитатель бара.

Тогда я еще любил брать старый отцовский Nikon и снимать на крупнозернистую пленку маргиналов. Не похожий ни на что мир. Угрюмый, беспечный, от того искренний.

Там всегда пахло алкоголем «с пола». Все разливалось. Сплевывалось. Срыгивалось. Сблевывалось. Это зловоние

смешивалось с потом, весельем, пьяным куражом. Потом с дебошем. Позже кому-то ломали нос. Весело.

Честное место. И люди честные. Иногда устаешь от этих лощеных образов и отутюженных воротничков, крыс с дорогими сумками и пергидрольной копной, снующих по углам в поисках лучшей доли. С подобных «сходок» я всегда вырывался с боем и шел сначала по вылизанным проспектам, потом сворачивал на плохо освещенную улицу с линиями домами, а оттуда нырял в мрачные переулки и тупики. Искал полуподвальный бар. Прятался от самого себя – выходил, когда фонари уже гаснут, а солнце все еще в отпуске.

Там случилась моя последняя встреча с Вериним отцом. Он пил. Еще больше, чем позволял себе, когда был здоров.

Рассуждал об уходящем времени.

– А сейчас что, не люди, что ли? – полез я в диалог.

– А сейчас вообще отребье. Кто из вас сможет повести за собой армию таких же юнцов? Кто вообще сможет на что-то среагировать? Или просто захочет что-то менять. Ты вообще понимаешь, куда все, мать твою, катится? Ты, сопляк, хоть что-то осознаешь из того, что происходит за твоей, – он постучал кулаком мне по лопаткам, – прикрытой родителями спиной? Вот станет президентом Соединенных Штатов какой-нибудь очередной гондон из штата Техас. Вроде тех, которые голосуют за ношение оружия в школу. Я тебе на полном серьезе говорю, – его мысли ветвились, и он свер-

нул с изначального направления монолога и сделал отступление, – тут показывали репортаж, что в Далласе несколько школ выступили за свободу ношения оружия подростками. И ты прикинь – нравится тебе телка, подходишь к ней, ствол к виску и повел ее трахать в раздевалку.

– Ага. И тут она достает из дамской сумочки «Луи Виттон», или что там сейчас носят, вольту посерьезнее, вроде «пустынного орла» нашего, и на одного обиженного на жизнь недоноска в Штатах меньше, – решил я отшутиться.

– Да нет, ты меня дослушай, я все к тому веду, что если начнется какая-то условная демагогия между странами «Большой восьмерки», то большая часть вас, молодцов, соберет манатки и дунет на сторону противника. Или вообще в Доминиканскую Республику... А мы... Мы верили, что защищаем свою страну. Афган, мать его... У меня отец там на свой эшафот взошел.

– А в каком году?

– В сентябре восемьдесят первого. Героически погиб в боях в горном массиве Луркох в провинции Фарах. До сих пор помню это предложение, как заученный текст. Всем что-то объяснял. Доказывал. Рассказывал, что мой отец – герой. – И.В. тянуло на откровения.

– Тоскливо. – К своему стыду, я не представлял себе ни Афганистан, ни тем более горный массив Луркох.

– А вы почему такие все бестолковые, парниковые дети? – снова начал кипятиться он, выплескивая возмущение и со-

держимое стакана себе на брюки.

– Да так. С детства не верим ни во что. Одна сплошная лажа вокруг. Сначала эта перестройка с ее долбаными сниккерами и перестановкой приоритетов, – пыжился я в попытках отстоять свое поколение или даже оправдаться. – Вот у вас было время. Бесплатная медицина. Санатории. Заказы. Отпуска. Направления. Распределения. Порядок. Вы жили и знали, что будет утро – и получите свой бутерброд с сыром, проездной на трамвай и обед на работе согласно положенным калориям. Ну и что – на джинсы денег скопить надо и за пластинками побегать. Но вы не жили в страхе, что баба уйдет, потому что на казенный или снятый напрокат «Майбах» поведется. И не потому, что она продажная. А из-за того, что наелась она в детстве манной каши вместо соседских сниккерсов. И возненавидела это отсутствие материальных гарантий и тупо хочет счастья своим детям. Вот я тоже хочу счастья своим детям. И потому начнут стрелять – возьму детей в охапку и первым рейсом в Доминикану, или на Кубу, да хоть к черту на кулички. И не тебе, синий философ, мне доказывать, как хорошо мы жили, парниковые дети! – Я сам не понял, как смог нахамить И.В.

Если честно, я давно хотел с ним пободаться на равных. Потому что он меня раздражал. Нестерпимо.

Я уже не помню, что именно он мне на это ответил. Может, возражал, может, послал и вышел. Мы оба были слишком пьяны к моменту перепалки.

Так или иначе, не прошло и недели, как И.В. перестал приносить выручку московским барам. С воспалением легких он ходил по московским улицам в одной рубашке и курил. Сначала отказало левое легкое, а потом все органы по очереди. Последней сдалась печень.

Ирония судьбы.

* * *

На похороны И.В., как мухи на говно, слетелись все курвы города. Был, наверное, сейчас уже точно не вспомню, ноябрь или декабрь 2006 года. Подобно падальщикам, мало-знакомый сброд кружил вокруг гроба. Нет, им было абсолютно наплевать, как чувствуют себя бывшая жена или дочь. Они жаждали пикантных подробностей, чтобы разносить их сплетнями по кулуарам.

На поминках они как змеи извивались вокруг Вериной матери, которая не узнала бывшего мужа в гробу – нет, есть, видимо, и душа, и пристанище для нее. Тело – не более чем маскарадный костюм, который сжигают, обращая в углерод или, другими словами, в вечность.

На самих похоронах мы с Верой присутствовали дистанционно – сев на надгробии какого-то Льва Александрова, смотрели на все издали и с некоторой иронией. К могиле не подходили, на поминках побыли минуты три – ровно столько времени понадобилось, чтобы расщелкаться с ресто-

раном и попрощаться с гостями, отвечая на соболезнования едким сарказмом.

Тогда мы с Верой уже жили вместе. Сдавали мое фамильное гнездо со старомодной мебелью в духе классицизма, добавляли деньги, на которые она должна была арендовать себе апартаменты, и снимали забавную двушку с окнами на Садовое кольцо в районе Курского вокзала – Вера любила смотреть закаты, сидя с ногами на подоконнике, и кататься на троллейбусе «Б» по замкнутому кругу.

Все, что зарабатывали, откладывали. А потом, в конце месяца, залезали в подушку (где за плохо работающей молнией, среди поролона прятали заначку) и тратили бумажки на что попало. Вера всегда была против кредитных карточек. Говорила, что деньги пахнут, причем вкусно. А новые купюры вообще на вкус сладкие. Она начинала писать вторую книгу. Издательство тогда выдало ей первый аванс. До этого ее в основном просто кидали, обещая имя, деньги, славу. А давали шиш с маслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.